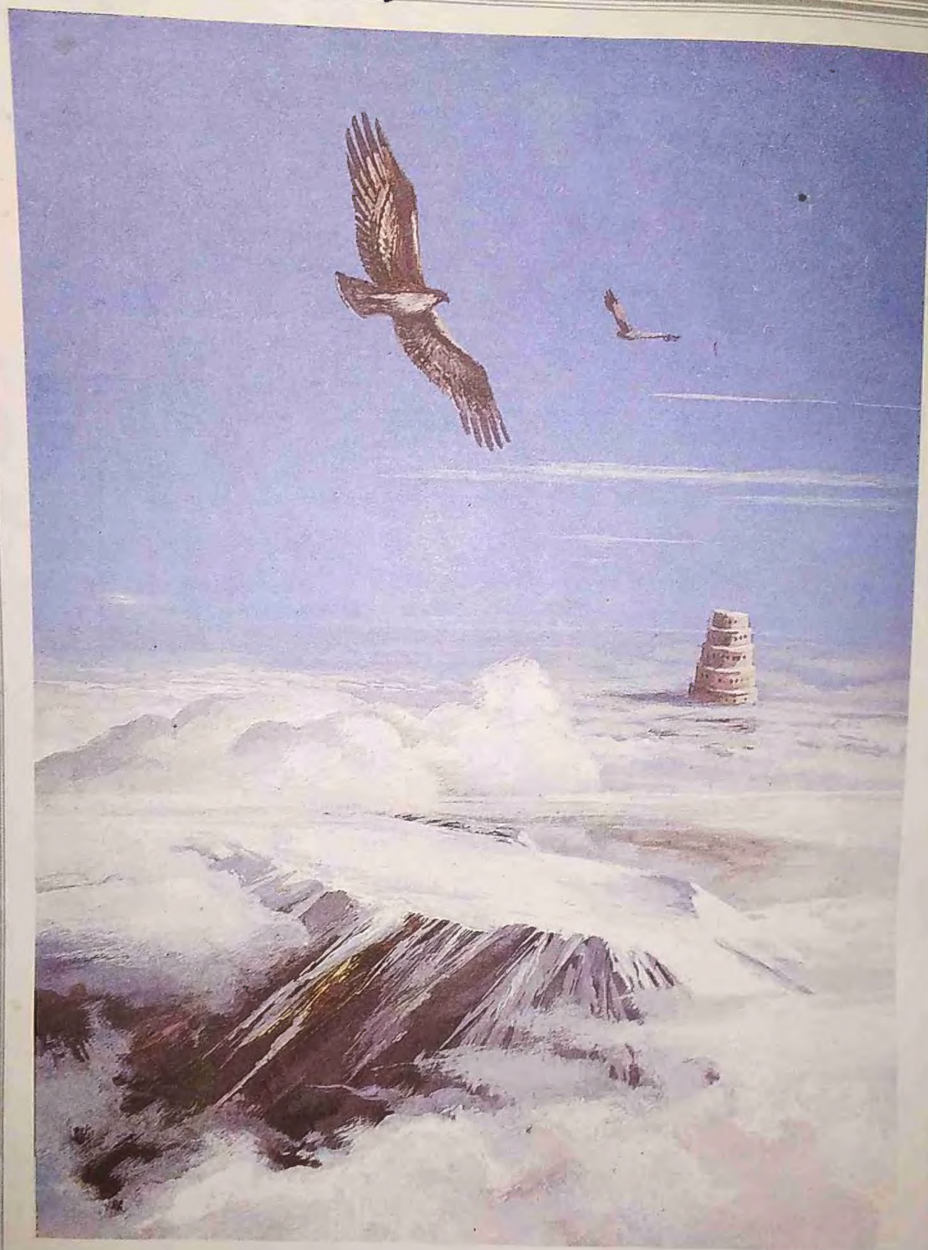
Вавилонская башня

„Камалак"

Вавилонская башня

И ДРУГИЕ ДРЕВНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Под общей редакцией

Корнея ЧУКОВСКОГО

Ташкент
"КАМАЛАК"
1991

Это красочное издание, адресованное детям младшего школьного возраста, познакомит ребят с величайшим культурным памятником — "Библией", которая создавалась на протяжении веков.

На ветхих страницах "Библии" много прекрасных, трогательных, поэтичных легенд. Эти легенды давным-давно существовали в народе и передавались из уст в уста. Потом, через много столетий, мудрецы и поэты стали в разное время записывать их, и впоследствии они были собраны в "Библии". Мы восхищаемся ими так же, как мы восхищаемся мудрыми, поучительными высокохудожественными народными сказаниями — индийскими, японскими, древнегреческими, русскими...

Некоторые из библейских легенд пересказаны в этой книге. Надеемся, что она будет полезна не только детям, но и их родителям. Ведь каждому из нас приходится часто слышать о всемирном потопе, о вавилонской башне, о валаамовой ослице, о Каине, о суде Соломона, и, конечно, многим хотелось бы знать, почему эти слова живут у нас в языке и что они означают.

$B \frac{4804020400 - 45}{356\ (04)-91}$ Без объявл. — 91

ISBN 5-633-00745-X

ПРО ЭТУ КНИГУ

В Москве на Волхонке есть чудесный музей. Название у него довольно длинное: "Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина".

Много статуй, рисунков, картин, созданных лучшими в мире художниками, выставлено в этом музее. Поэтому с утра до вечера здесь толпится народ. Каждому охота увидеть великолепную скульптуру и живопись.

В толпе немало иностранцев и приезжих, но, конечно, больше всего москвичей.

Пришёл в этот музей один быстроглазый школьник — не старше двенадцати лет. Пришёл со своим отцом. В первом же зале с порога он увидел три статуи, которые живо заинтересовали его: две не очень большие, а третья высокая — уходит головою под самую крышу. И подпись под каждой — "Давид". И тут же сказано, что одного Давида вылепил скульптор Донатéлло, другого — Андрéа Веррóккьо, а третьего, высокого — сам Микелáнджело.

Школьник удивлён.

"Чем же был замечателен этот Давид? Почему три скульптора, один за другим, поставили ему такие красивые памятники? Должно быть, он был знаменитый герой. Но в чём его геройство? Что он сделал? Какие подвиги он совершил? И чья голова у него под ногами — огромная, лохматая голова великана? Что это был за великан? И кто отрубил ему голову? Неужели этот самый Давид с такой маленькой тоненькой сабелькой? Ведь стоило великану размахнуться как следует — и Давид отлетел бы от него на десять шагов".

Школьник перебегает от статуи к статуе. Вопросы быстро следуют один за другим. Отец насупился и угрюмо молчит — высоколобый, серьёзный, в очках. Похоже, что он чувствует себя очень неловко перед своим любознательным сыном; тот, должно быть, с самого раннего детства привык простодушно думать, что не существует такого вопроса, на который он не мог бы немедленно получить от отца самый точный и ясный ответ.

И мне вспомнилось то, что я видел однажды в Эрмитаже.

Эрмитаж — это всемирно знаменитый ленинградский музей, где собраны замечательные произведения искусства. В этот музей со всего света съезжаются люди, чтобы только поглядеть на картины и статуи, хранящиеся в роскошных залах.

Есть в Эрмитаже прекрасная картина Рембрáндта: какой-то бродяга в изодранной, грязной одежде, подпоясанной грубой верёвкой, упал на колени перед седым стариком, умоляя его о прощении, а старик, очень дряхлый, богато одетый, торжественным и ласковым жестом прижимает этого оборванца к себе, и на лице у него кроткая нежность. Обе фигуры светятся каким-то таинственным светом, и кажется, что всё изображённое здесь совершается под дивную музыку. Видно, что бродяга пришёл к старику издалека: когда он падал перед ним на колени, с одной ноги у него слетела рваная сандалия и видна израненная долгой дорогой нога. Подпись под картиной: "Возвращение блудного сына". Значит, богатый старик — родной отец этого несчастного бродяги. Почему же у такого богача такой оборванный сын, замученный нуждою и голодом? Откуда он вернулся? Где он был? Что довело его до такой нищеты? И в чём он провинился перед отцом? Отчего он так униженно просит прощения?

Подошли к картине какие-то милые девушки.

— Что это за старик? — мимоходом спросила одна.

— Должно быть, поп, — равнодушно сказала другая, и они отошли от непонятной картины.

Между тем, если б они знали, что изображено здесь великим художником, они надолго остановились бы перед этим холстом, всмотрелись бы в него с величайшим вниманием.

Прочтите в нашей книге историю блудного сына, и вы поймёте, почему Рембрандт и другие художники так любовно изображали её в своих гениальных картинах. Вы узнаете о жалкой судьбе безумного юноши — "блудного сына", который, не слушая уговоров отца, стал вести разгульную, праздную жизнь и в конце концов чуть не погиб. Только возвращение в родительский дом спасло его от неминуемой гибели. И как великодушен отец, простивший ему все свои обиды и слёзы! Из этой книги вам будет нетрудно узнать, кто такой был юный Давид и с каким великаном он так храбро сразился ради того, чтобы спасти свою родину.

Здесь, в этой книге, мы попытались пересказать для детей несколько чудесных легенд древнего еврейского народа, которые вот уже тысячи лет волнуют миллионы сердец — так они прекрасны и мудры. Недаром в течение многих веков замечательные скульпторы, живописцы, поэты создали по этим легендам столько бессмертных произведений искусства.

Легенды эти собраны в книге, которая называется "Библия". Религиозные люди верят, будто эта книга священная и будто она продиктована с неба самим господом богом, который хотел научить свой народ, как ему жить и трудиться.

На самом деле "Библия" создавалась людьми на протяжении многих веков. Люди эти были вдохновенными, великими поэтами. На ветхих страницах "Библии" много прекрасных, трогательных, поэтичных легенд. Эти легенды давным-давно существовали в народе и передавались из уст в уста. Потом, через много столетий, мудрецы и поэты стали в разное время записывать их, и впоследствии они были собраны в "Библии". И мы восхищаемся ими, так же как мы восхищаемся мудрыми, поучительными высокохудожественными народными сказаниями — индийскими, японскими, древнегреческими, русскими и другими.

Некоторые из библейских легенд мы и постарались рассказать в нашей книге. Надеемся, что она будет полезна не только детям, но и их воспитателям, матерям и отцам. Ведь каждому из нас приходится часто читать в разных газетах и книгах, а порой и слышать в разговоре о всемирном потопе, о вавилонской башне, о валаамовой ослице, о Каине, о суде Соломона, и, конечно, многим хотелось бы знать, почему эти слова живут у нас в языке и что они, в сущности, значат.

Так, например, про шумную и большую толпу у нас часто говорят: "столпотворение", но мало кто знает, что это слово взято из библейского сказания о постройке высочайшей башни в древнем городе Вавилоне. Столпом в старину называлась всякая башня, а постройка башни "сотворением столпа" — столпотворением.

Часто приходится слышать такие выражения, как "тридцать сребреников", "Иуда-предатель", "избиение младенцев", "пища святого Антония", "на седьмом небе", "валаамова ослица", "козёл отпущения", "райское житьё", "внести свою лепту" и т. д. И опять-таки: хотя эти выражения взяты из религиозных преданий и мифов, они давно уже оторвались от религии, утратили свой "божественный" смысл и вошли в обиход каждого культурного человека, независимо от того, верит он в бога или нет. Но далеко не каждому известно, каков смысл этих выражений. И повторяю: невозможно понять мировое искусство, если не знать библейских преданий, а также античных мифов, из которых заимствована большая часть сюжетов фламандской, итальянской, французской, испанской живописи.

Да и русское искусство требует таких же познаний — искусство Пушкина, Лермонтова, Блока, Андрея Рублёва, Александра Иванова, Николая Ге, Репина, Поленова, Врубеля.

В многочисленных картинных галереях и музеях нашей страны вы найдёте немало картин и рисунков на библейские темы, созданных замечательными русскими художниками. Многие из этих картин и рисунков станут вам понятны, когда вы прочтёте нашу книгу. Так, например, для всякого, кто прочтёт сказание "Иосиф и его братья", где повествуется о жизни и приключениях этого благородного героя-страдальца, станет понятным рисунок Александра Иванова "Братья Иосифа находят чашу в мешке Вениамина". Рисунок этот вы можете увидеть в Третьяковской галерее, в Москве.

Да и независимо от скульптуры и живописи библейские предания представляют собой великую литературную ценность.

В 1916 году, когда Алексей Максимович Горький привлёк меня к участию в детском отделе издательства "Парус", он ввёл в его программу сборник "Библейские легенды и мифы" и поручил составление этого сборника мне. Он называл "Библию" одной из величайших книг человечества и советовал писателям учиться простоте и выразительности библейского стиля. В более позднее время он предлагал издать в серии "Жизнь замечательных людей" книгу о пророке Моисее.

Для ребёнка многие из этих древних библейских легенд, созданных древним народом, привлекательны изобилием сказочных подвигов, приключений, событий. В них столько задушевной любви к угнетённым, столько ненависти к врагам-угнетателям, такое преклонение перед каждым героем, отдающим свои силы борьбе за народное счастье, что давно уже пора этим легендам войти в круг чтения советских детей.

Задача нашего коллектива была нелёгкой. Мы старались сделать библейский сюжет, порою очень сложный и запутанный, доступным для детей и в то же время в меру своих сил и возможностей сохранить простой и безыскусственный стиль величавого подлинника.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

АДАМ И ЕВА

В СТАРИНУ говорили, будто всю нашу землю создал великий, всемогущий Ягве.

И когда он её создал, то далеко на востоке он посадил чудесный райский сад. И назвал его Эдем.

В Эдеме росли апельсиновые деревья, яблони, виноград, финики, бананы. И было ещё много удивительных деревьев и цветов.

В Эдеме была вечная весна. Цвели розы, река журчала в тени деревьев, зрелые плоды падали на землю в густую траву.

Распускались по утрам цветы, река манила прохладой, но пусто было в чудесном саду. Некому было купаться в реке, рвать цветы, собирать сладкие ягоды и отдыхать в тени деревьев.

И решил Ягве: "Сотворю человека, подобного мне".

Взял Ягве речную глину, вылепил из неё человека, вдунул в него жизнь и назвал человека Адамом.

Адам ходил по райскому саду, срывал плоды, купался в реке, но было ему скучно.

Тогда вылепил Ягве из глины разных зверей и птиц, оживил их и привёл к Адаму.

Проходили мимо Адама все звери, пролетали все птицы.

Прошёл мимо Адама слон, и Адам назвал его слоном. Пролетел мимо Адама орёл, и Адам назвал его орлом. И ежа назвал ежом, и хорька назвал хорьком, и зайца — зайцем, и синицу — синицей. Всем дал имена!

Но Адам всё равно ходил грустный, потому что не было у него близкого друга, которого он мог бы полюбить.

И тогда сказал Ягве:

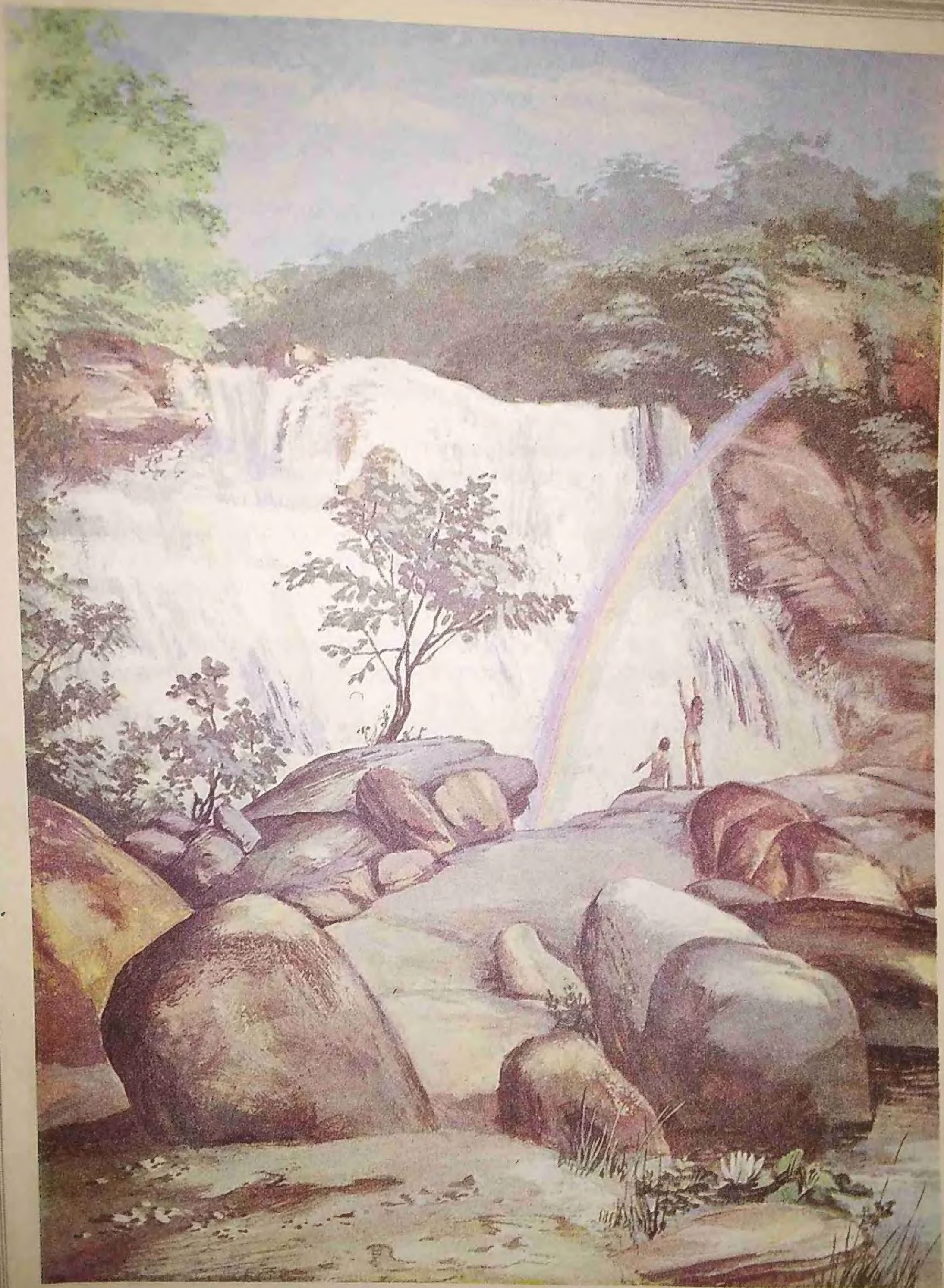
— Нехорошо быть Адаму одному. Создам я ему верного друга.

Крепко усыпил Ягве Адама и, пока он спал, взял ребро Адамово и сделал из ребра женщину.

Адам проснулся, посмотрел на женщину и сказал:

— Ты прекрасна! Меня зовут Адам, а тебя пусть зовут Ева. Ты будешь моей женой.

И стали Адам и Ева жить в раю.

Вместе они гуляли, вместе купались в реке, вместе плели венки из цветов, вместе собирали плоды со всех деревьев.

Но росло на холме среди сада одно очень красивое дерево, о котором Ягве сказал Адаму и Еве:

— Никогда-никогда не рвите яблок с этого дерева. Как только вы съедите хоть одно яблоко — вы сейчас же умрёте.

— Зачем нам это дерево? У нас и без того очень много плодов! — сказали Адам и Ева.

На запретном дереве жил злой и лукавый Змей. Был он хитрее всех зверей и птиц, которых создал Ягве.

Стал хитроумный Змей ждать, когда подойдёт к запретному дереву Ева. И когда подошла Ева к запретному дереву, Змей сказал:

— Слышал я, что запретил вам Ягве рвать плоды с деревьев в раю.

Ева ответила ему:

— Нет! Со всех деревьев мы можем рвать плоды, только с этого нельзя. Ягве сказал: "Не ешьте их. Всякий, кто съест яблоко с этого дерева, умрёт".

И сказал Еве коварный Змей:

— Ягве обманул вас. Он знает, что в день, когда вы съедите запретный плод, вы с Адамом станете такими же мудрыми и всемогущими, как сам Ягве.

Посмотрела Ева, какие сочные, румяные яблоки растут на запретном дереве, и захотелось Еве съесть запретное яблоко.

Сорвала Ева яблоко, съела половину, а половину отдала Адаму. Как только съели Адам и Ева запретное яблоко, посмотрели друг на друга и впервые увидели, что они голые. И устыдились.

Ягве гулял в тени деревьев по райскому саду и звал Адама:

— Адам, где ты?

Адам спрятался в кустах и ответил:

— Ягве, я слышу тебя, но не могу выйти к тебе. Нет на мне никакой одежды.

Ягве подошёл к Адаму и спросил:

— Кто сказал тебе, что ты голый? Не съел ли ты плод, который я запретил тебе есть?

Адам испугался и сказал:

— Это не я! Это Ева сорвала яблоко и дала его мне.

Ягве сказал Еве:

— Почему ты не послушалась меня?

Ева испугалась:

— Это Змей научил меня!

Ягве разгневался и закричал:

— Злой и коварный Змей! За то, что ты подговорил Еву съесть запретный плод, будешь ты во веки веков ползать на брюхе и все люди будут ненавидеть тебя!

— А ты, — сказал Ягве Адаму, — за то, что не послушался меня и съел запретный плод, во веки веков будешь добывать хлеб свой в поте лица — будешь пахать землю и сеять зерно, и каждый кусок хлеба достанется тебе тяжёлым трудом. И ты, Ева, в мучениях будешь рожать детей своих.

И изгнал Ягве Адама и Еву из рая.

Заплакал Адам, заплакала Ева, и пошли они по пустынной и голой земле, совсем не похожей на сад эдемский.

Адам стал пахать землю и трудиться с утра до вечера, чтобы собрать урожай.

У Адама и Евы родились дети. Когда дети выросли, они построили города, насадили сады и заселили всю землю.

КАИН И АВЕЛЬ

АДАМА и Евы было два сына.

Старшего звали Каин, а младшего — Авель. Каин пахал землю, но землю не любил. И звёзд не любил, и птиц не любил, и не любил деревьев. Каин всем завидовал и всех ненавидел, потому что он был злой и жестокий.

Когда птицы пролетали над землёй, Каин бросал в них камни: завидовал птицам, что они умеют летать.

Когда звёзды зажигались на небе, Каин и в звёзды кидал камни, потому что звёзды умели светить. Когда в полдень деревья бросали на землю тень, Каин обламывал ветви — он и тени чужой завидовал! Злой человек был Каин, очень злой.

Брат Каина — Авель был весёлый и добрый. Он пас овец. С утра до вечера бродил со своим стадом по широким лугам, играл на свирели, пел песни.

Звёзды, деревья и птицы слушали его песни.

Это были первые песни на земле.

Птицы, деревья и звёзды полюбили Авеля. А Каина стали бояться.

Однажды холодною ночью вздумали братья разжечь костры.

Долго Каин разжигал свой костёр. Но не слушался огонь злых Каиновых рук. Не горел.

А под добрыми руками Авеля костёр вспыхнул сразу. Затрещали ветки, будто только и ждали лёгких пальцев Авеля.

Заискрилось пламя.

Весело стало кругом, тепло. Запел Авель песню про огонь и про звёзды, и про то, как хорошо жить.

Позавидовал Каин Авелю, что костёр у него разгорелся. Поднял с земли камень и убил брата своего.

Оборвалась песня.

Упал Авель на землю.

Покатилась свирель-дудочка.

Не играть ей больше весёлых песен!

Оглянулся Каин.

Кругом — никого. "Никто не видел, как я убил Авеля, никто и не узнает", — подумал Каин.

И убежал в лес.

Крадётся Каин по лесу, вдруг слышит — деревья зашептали: "Каин, где брат твой Авель?"

Бросился Каин от деревьев в степь, а над ним звёзды встали да как зазвенят с неба: "Каин, где брат твой Авель?"

Заметался Каин: куда уйти от звёзд? К земле пригнулся, ползёт, как паук, глазами косит, а тут светло стало.

Проснулись птицы. Со всех сторон галдят:

"Каин, где брат твой Авель?"

И почудилось Каину — это весь мир кричит ему вслед:

"Где брат твой Авель?"

— Разве я сторож брату своему? — дерзко ответил Каин.

Понял Каин, что хоть никого и не было, когда он убил Авеля, да были звёзды, деревья, птицы...

И возненавидели люди Каина за то, что он запятнал землю кровью. И прокляли его. И его имя.

С тех пор прошло много-много веков. Много звёзд угасло. Люди рождались, жили и умирали. Менялись обычаи. Забывались сказки. Но до сих пор про злого, завистливого человека говорят: Каин. Или ещё: окаянный.

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

ОГДА люди заселили землю, они сначала научились сеять хлеб, а потом стали выращивать виноград и делать из него вино.

А когда пили вино, становились глупыми и злыми, обижали слабых, хвалили сами себя и обманывали друг друга.

Ягве смотрел на людей, и ему было очень горько. А люди с каждым годом становились всё хуже и злее. И Ягве так разгневался, что решил уничтожить всех людей и всех зверей, которых он создал.

Только одному человеку пожелал он сохранить жизнь.

Звали этого человека Ной. Был он трудолюбивый и добрый.

И сказал Ягве Ною:

— Люди стали жестоки и злы. Я затоплю их землю и уничтожу всякую тварь живую!

И велел Ягве Ною построить огромный корабль — ковчег — из самого крепкого дерева. Чтобы в ковчеге этом было три палубы — три этажа: верхняя палуба, средняя и нижняя. Чтобы дверь в ковчеге была сбоку. Да хорошенько надо просмолить ковчег изнутри и снаружи!

— Когда построишь ковчег, — сказал Ягве, — войдёшь в него со своей семьёй. Но сначала приведи в ковчег всех зверей и птиц по паре. Всех, какие есть на земле, даже летучих мышей и червей земляных не забудь взять с собою в ковчег! Да побольше запаси для всех корма! Собери семена деревьев и трав полевых.

Сделал Ной, как сказал Ягве. Всех погрузил, даже лягушек и мух. Семена развесил по ковчегу в мешочках, кокосовые орехи и луковицы повесил связками.

И когда наконец Ной поймал двух воробьёв, он вошёл в ковчег, и Ягве затворил за ним дверь.

Как только Ягве затворил за ним дверь, ударил гром, тьма накрыла землю, горы наклонились, небо разверзлось и хлынул дождь.

И шёл дождь сорок дней и сорок ночей.

И нельзя было понять, где небо и где земля, где верх и где низ. Всё было — вода! Ночь была днём, а день стал ночью.

Когда хлынула вода, люди спасались на крышах, на деревьях, убегали в горы.

Медведи спасались вместе с оленями, волки в горах дрожали вместе с овцами, а вода всё прибывала!

Смыло волнами с горных вершин слонов. Они плавали и трубили хоботами, а львята карабкались к ним на спины.

И скрылись в пучине вершины гор, и потонули слоны и львы, и только огромный Ноев ковчег швыряло волнами, как щепку.

Долго носился Ноев ковчег по волнам, и не было ни клочка земли, ни островка, только чёрная вода и чёрное небо. Иногда глухо стукнет в борт ковчега дерево, вырванное с корнем. Притихнет Ной с семейством, притихнут звери, закричит испуганная обезьянка, да корова перестанет жевать сено.

Наконец вспомнил Ягве о Ное и обо всех тварях, которые были с ним в ковчеге. И послал Ною знамение, что потоп кончился: засияла над землёю радуга.

Слышит Ной: стукнулся ковчег, покачивает его и бьёт о камень. Ной открыл окно, видит — из воды торчит вершина горы Арарат.

Посмотрел Ной вокруг: вода и вода, конца ей не видно, всюду мутная вода блестит на солнце.

Прошло семь дней.

Выпустил Ной чёрного ворона. Возвратился ворон: нет берега, негде отдохнуть ворону.

Прошло ещё семь дней.

Выпустил Ной белого голубя. Долго летал голубь, возвратился, сел Ною на плечо, клюв раскрыл, отдышаться не может: нет берега, нет ветвей на деревьях, негде отдохнуть голубю.

Утром опять улетел голубь. Долго ждал его Ной. Солнце опустилось в красные воды. Видит Ной — летит к нему голубь и зелёный масличный лист держит в клюве. Понял Ной, что где-то есть сухая земля.

Отдохнул голубь и опять улетел. Долго ждал его Ной. Но на этот раз не вернулся голубь в ковчег. Стала вода убывать.

Горы обсохли, и холмы обсохли, в низинах лужи блестят на солнце. Потом вдруг схлынула вода — и земля обнажилась.

Открыл Ной дверь ковчега и вышел на твёрдую землю с семьёй. За ним все звери вышли на землю, отряхнулись, греются на солнце.

Отдохнули звери и птицы — и разбежались, разлетелись в разные стороны.

Ной посадил в землю семена деревьев и разбросал по ветру семена трав.

И снова закачался под ветром ковыль в степи, зашелестели берёзы листвой и в чаще закуковала кукушка.

Увидел Ягве леса, зверей на поляне, журавлей на болотах, послушал птичьи песни и сказал:

— Нет, не буду больше губить землю, люди ещё мало пожили на земле! Пусть всегда после зимы приходит лето и день сменяется ночью. Пусть весной люди сеют хлеб, а осенью собирают урожай! И да будет славен всякий труд человеческий!

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

ЭТО было так давно, что никто уже не помнит, когда это было. Рассказывают, однако, будто в те времена все люди говорили на одном языке и все друг друга понимали.

И захотелось людям оставить память о себе на веки веков.

— Давайте соберёмся все вместе и выстроим высокую башню! — сказал один.

Все обрадовались и закричали:

— Мы выстроим башню, мы выстроим башню, мы выстроим башню до самого неба!

Выбрали высокую гору — и закипела работа! Одни месят глину, другие лепят из неё кирпичи, третьи кирпичи эти в печах обжигают, четвёртые возят их на гору. А наверху уже люди стоят, принимают кирпичи и складывают из них башню.

Все работают, всем весело, все поют песни.

Башня строилась не год и не два. Одних кирпичей для неё понадобилось тридцать пять миллионов! И для себя пришлось ещё дома построить, чтобы было где отдыхать после работы, а возле домов посадить кусты и деревья, чтобы птицам было где петь.

Целый город вырос вокруг горы, на которой строилась башня. Город Вавилон.

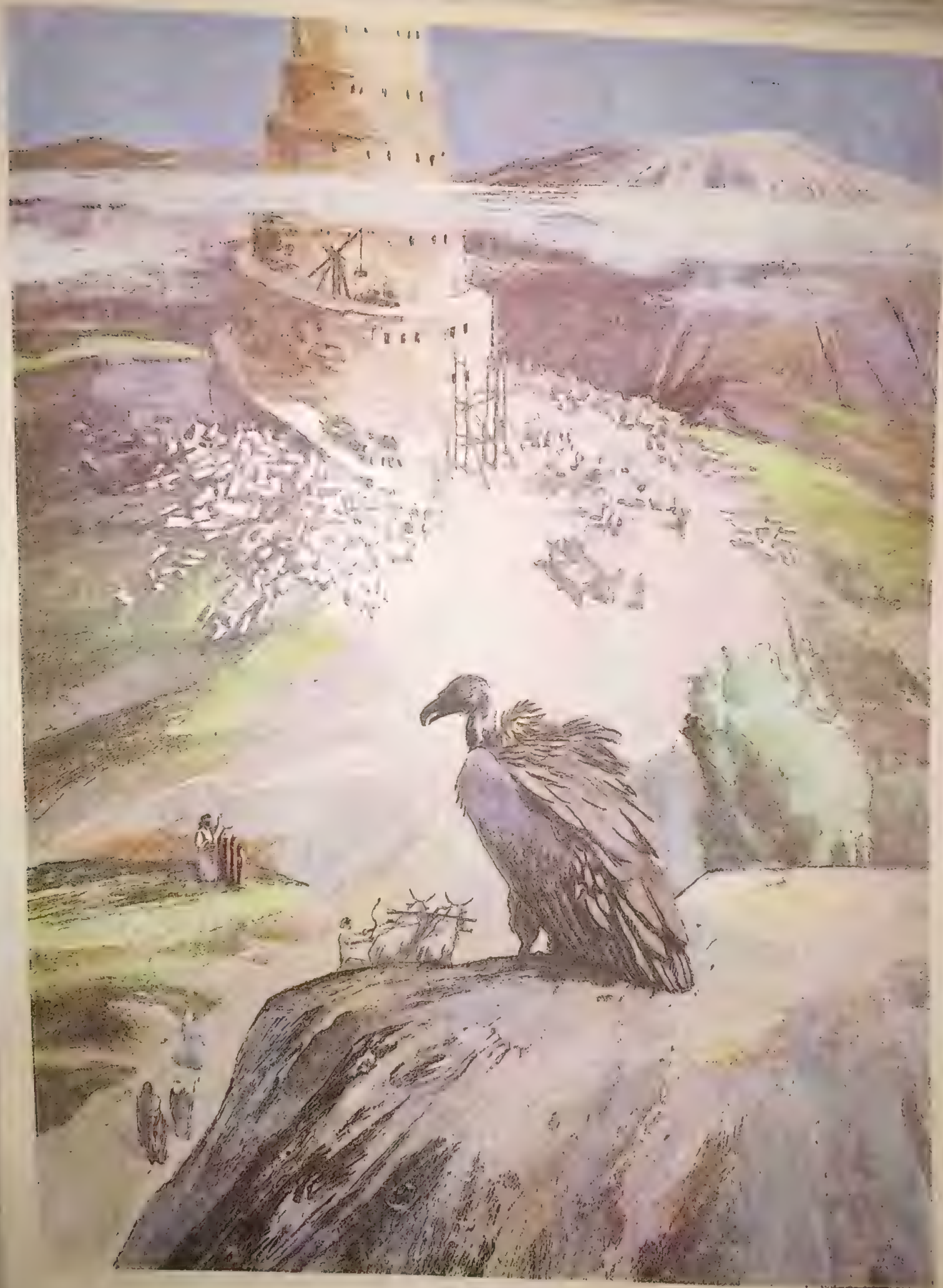
А на горе с каждым днём всё выше и выше, уступами, поднималась красавица башня: внизу широкая, кверху всё уже и уже. И каждый уступ этой башни красили в разный цвет: в чёрный, в жёлтый, в красный, в зёленый, в белый, в оранжевый. Верх придумали сделать синим, чтобы был, как небо, а кровлю — золотой, чтобы, как солнце, сверкала!

И вот башня почти готова. Кузнецы уже золото куют для кровли, маляры окунают кисти в вёдра с синей краской. Но вдруг, откуда ни возьмись, появляется среди людей сам Ягве. Не понравилась ему их затея — выстроить башню до самого неба. Не захотел он, чтобы люди добрались до неба.

"Это оттого они умудрились свою башню выстроить, — подумал он, — что у них один язык и всякий человек понимает другого. Вот они и договорились!"

И наслал Ягве на землю великую бурю. Пока буря бушевала, ветер унёс все слова, которые люди привыкли друг другу говорить.

Вскоре буря утихла, и люди снова принялись за работу. Они ещё не знали, какая беда их постигла. Кровельщики пошли к кузнецам сказать, чтобы те скорее ковали тонкие золотые листы для кровли. А кузнецы не понимают ни слова.

И во всём городе Вавилоне люди перестали понимать друг друга.

Маляр кричит:

— Краска кончилась!

А у него получается:

— Номорпэнт!

— Ничего не понимаю! — кричит ему снизу другой.

А получается:

— Жэнеком пренепа́!

И по всему Вавилону раздаются слова, понятные одним и непонятные другим.

— Виндадо́ры!

— Мараки́ри!

— Бобэо́би!

— Дзын!

Все побросали работу, ходят как в воду опущенные и ищут: кто бы мог их понять?

И стали люди собираться кучками: кто с кем говорит одинаково, тот с тем и старается держаться. И вместо одного народа получилось множество разных народов.

И разошлись люди в разные концы земли, каждый народ в свою сторону — строить свои города. А башня стала мало-помалу разваливаться.

Но говорят, что до сих пор в каждом городе можно найти обломки кирпичей от вавилонской башни. Потому что многие уносили их с собой на память о тех временах, когда на земле был мир и люди понимали друг друга.

И до сих пор на всех языках света люди рассказывают эту сказку о недостроенной вавилонской башне.

ИОСИФ И ЕГО БРАТЬЯ

I

В ДАВНИЕ-ДАВНИЕ времена жил в земле Ханаанской человек по имени Иаков.

Двенадцать сыновей было у Иакова, но больше всех он любил Иосифа. Все сыновья Иакова ходили в простой, грубой одежде, а Иосифу подарил отец красивое цветное платье. И был Иаков ласковее с Иосифом, чем с другими сыновьями. И братья завидовали Иосифу и невзлюбили его.

— Давайте убьём его, — решили они, — и сбросим в ров у дороги. И скажем, что хищные звери растерзали его.

Но один из братьев, Рувим, был добрее других, он не хотел, чтобы свершилось злое дело.

— Зачем убивать его? — сказал он. — Зачем проливать кровь? Ведь он брат наш. Давайте просто бросим его в ров и оставим здесь. Пусть погибает один в пустыне.

Он сказал так, чтобы братья не разгневались на него, а сам втайне подумал, что, когда все уйдут, он вернётся и спасёт Иосифа.

Между тем Иосиф подошёл к братьям, поздоровался с ними и отдал еду, посланную отцом. Вдруг братья набросились на него, сорвали с него красивую цветную одежду, связали его и бросили в ров. А сами сели обедать.

Рувима же послали искать отбившуюся от стада овцу, чтобы он не мог спасти брата.

Вдруг вдали на дороге послышался звон бубенцов: это приближался караван верблюдов, на которых купцы везли товары в Египет.

Увидев караван, старший брат сказал:

— Зачем нам убивать Иосифа? Давайте лучше продадим его купцам! Пусть отведут его в Египет.

И продали братья Иосифа за двадцать серебряных монет купцам, которые направлялись в Египет. Иосиф ушёл с караваном, а братья закололи козлёнка и кровью его вымазали цветную одежду Иосифа. И погнали свои стада домой.

Рувим вернулся, не найдя овцы, и не увидел на том месте ни братьев со стадами, ни Иосифа во рву.

Когда братья пришли домой, они принесли отцу окровавленную одежду Иосифа и сказали:

— Мы нашли её на дороге — не Иосифова ли это одежда? Верно, хищные звери растерзали его...

Иаков узнал одежду Иосифа и поверил, что хищные звери растерзали его любимого сына, и горько заплакал. И заплакал юноша Рувим, что не уберёг брата от злой смерти. Долго горевал Иаков и оплакивал Иосифа и никак не мог утешиться.

А караван шёл в Египет, и проданный братьями Иосиф уходил всё дальше от родного дома.

II

В Египте купцы-караванщики продали Иосифа в рабство египтянину Потифару. Потифар был начальник стражи фараона, царя египетского. Он взял Иосифа к себе в дом и скоро, увидев его усердие, сделал его управителем всего своего хозяйства. Иосиф так хорошо справлялся с делами, работал так старательно и честно, что Потифар доверил ему и все свои богатства. Иосиф был статный, красивый, сильный. Он понравился жене Потифара, злой и коварной женщине. А когда Иосиф сказал ей, что не любит её, разозлилась и решила отомстить ему. Она пошла к Потифару и пожаловалась — свалила свою вину на Иосифа.

— Вот твой любимец, этот раб хотел обмануть тебя, — сказала она.

Хозяин поверил её лживым словам и приказал заточить Иосифа в тюрьму. Так, без всякой вины Иосиф очутился в темнице.

Скоро все узники полюбили его, потому что он был добрый, умел улаживать ссоры и помогал всем. И тюремщик поручил ему раздавать узникам пищу.

В это время египетский царь — фараон — за что-то разгневался на своих царедворцев: на виночерпия, который разливал вино за царским столом, и на хлебодара, который раздавал хлеб на пирах фараона. Он приказал посадить обоих в тюрьму. Они попали туда же, где находился Иосиф, и тюремщик поручил ему прислуживать им.

Как-то поутру оба узника проснулись печальные. Иосиф спросил, почему у них нынче такие грустные лица.

И оба сказали ему:

— Мы видели странные сны и не знаем, что они значат.

Вот что рассказал виночерпий:

— Мне снилось, будто я в винограднике. Предо мною виноградная лоза, а на ней три ветви. Я увидел, как они зацвели, как появились на них ягоды, как налились и созрели гроздья. Я взял чашу фараона и выжал в неё виноградный сок из этих гроздьев и подал чашу фараону. Вот что я видел нынче во сне.

Иосиф сказал:

— Три ветви — это три дня. Через три дня фараон вспомнит о тебе и велит освободить тебя из темницы и простит тебя, и ты снова будешь у него виночерпием. Когда ты вернёшься во дворец, будь милостив, напомни ему обо мне и вызволи меня отсюда, потому что я сижу здесь напрасно, нет за мной никакой вины.

Услышав, как разгадал Иосиф сон виночерпия, хлебодар сказал:

— А мне приснилось, что я держу на голове три плетёные корзины — одну на другой. В самой верхней корзине — хлеб для царского стола. И птицы клюют этот хлеб из корзины на моей голове.

Иосиф объяснил и этот сон.

— Три корзины — это три дня. Через три дня фараон прикажет вывести тебя из темницы и повесить на дереве. И птицы будут клевать твою голову.

И всё сбылось, как сказал Иосиф: через три дня фараон на пиру вспомнил про своего виночерпия, приказал вернуть его из темницы и велел ему снова прислуживать за царским столом. А хлебодара фараон приказал повесить.

И хлебодар умер, а виночерпий на радостях забыл про Иосифа.

Прошло два года. Однажды фараону приснился сон: стоит он у реки и видит, как из реки выходят семь коров, тучных и жирных, и пасутся на берегу. Потом выходят из реки семь коров худых и тощих. И чудо: семь тощих коров съели семь тучных и не стали от этого толще... Проснулся фараон, подивился такому сну и заснул опять. И опять увидел сон: стоит он в поле и видит на одном стебле семь колосьев. И каждый колос полон спелых зерен. А рядом растут семь колосьев пустых, иссушённых знойным ветром. И вдруг не стало спелых колосьев: их поглотили пустые и не сделались от этого толще.

Проснувшись, фараон созвал всех мудрецов Египта и велел им разгадать его сны.

Но никто не мог разгадать их. Тут вспомнил виночерпий про Иосифа и сказал:

— Когда я сидел в темнице, со мной вместе был один раб. Звали его Иосиф. Он умел разгадывать сны.

Фараон приказал привести к нему Иосифа. Узника вывели из темницы, остригли и вымыли, надели на него чистую одежду и привели во дворец. Фараон рассказал Иосифу свои сны. Иосиф подумал и объяснил фараону:

— Царь, оба сна — об одном и том же. Это вещие сны: судьба подаёт тебе знак. Семь коров тучных и семь колосьев полных — это семь лет урожая. Семь лет люди будут сыты и богаты. Семь коров тощих и семь пустых колосьев — семь лет засухи и голода. Тяжко будет людям в эти годы. Сон твой, царь, повторился дважды, — значит, всё так и будет. И тебе надо позаботиться о будущем. Повели в годы изобилия собирать пятую часть от всего урожая и сохранять повсеместно во всех городах и селениях. И эти запасы помогут тебе спасти от голода народ Египта, когда настанут неурожайные годы.

Услышав слова Иосифа, приближённые фараона сказали:

— Надо найти теперь же разумного и честного человека и поручить ему собирать и хранить запасы.

Фараон сказал Иосифу:

— За то, что ты разгадал мои сны и предотвратил беду в Египте, поручаю тебе собирать хлеб в годы изобилия и хранить его для голодных лет. Ты будешь вторым после меня лицом в Египте, выше всех моих придворных я поставлю тебя и всем прикажу повиноваться тебе, как мне самому.

И снял фараон свой драгоценный перстень и надел его на палец Иосифа. И приказал нарядить Иосифа в богатые одежды, повесить ему на шею золотую цепь и дать ему коней и колесницу, чтобы он мог разъезжать по всей земле египетской.

Семь лет собирал Иосиф пятую часть урожая в Египте. В каждом селении, в каждом городе устроил он житницы, где хранились эти запасы. Так много зерна собрал он в Египте — как песку морского, который невозможно сосчитать.

Но вот прошли семь лет урожайных, и настали годы засухи и неурожая. Голод начался на всей земле, и только в Египте были большие запасы хлеба.

Тогда приказал фараон Иосифу открыть житницы и раздавать хлеб народу.

И из других земель стали приезжать люди в Египет за хлебом.

III

Голод начался и в земле Ханаанской. Иаков созвал сыновей и сказал им:

— Говорят, что в Египте есть хлеб. Надо пойти вам в Египет и купить хлеба, чтобы мы не погибли от голода.

И пошли братья Иосифа в Египет за хлебом. Дома остался только младший — Вениамин. Иаков оставил мальчика дома, боясь, как бы не случилось с ним беды в дальней дороге.

Братья Иосифа пришли в Египет и вместе с другими желавшими купить хлеба явились к начальнику, который распоряжался всеми запасами. Это был Иосиф, но братья не узнали его, потому что он стал старше, был богато одет и казался им очень важным. А Иосиф узнал их сразу, но не подал и виду, что знает их.

— Откуда и зачем вы пришли в Египет? — спросил он сурово.

— Мы из земли Ханаанской пришли купить хлеба, потому что мы голодаем, — отвечали братья Иосифу.

— Неправда! — прервал он их. — Вы наши враги, вы пришли высмотреть, где у нас плохо, чтобы потом напасть на нас.

Братья возразили:

— Нет, господин наш, мы честные люди. Мы дети одного отца, имя ему — Иаков. Он послал нас сюда за хлебом и дал нам серебра, чтобы мы заплатили за хлеб.

И они стали рассказывать ему про отца своего, про свой дом и про всю свою семью.

— Нас было двенадцать братьев, — говорили они. — Один уже давно покинул нас, а младшего брата отец оставил дома.

Иосиф слушал их, опустив глаза. Он сделал вид, что не верит им, и приказал взять их под стражу. Через три дня он велел привести их к себе и сказал:

— Вот что, если вы честные люди и у вас нет никакого злого умысла, пусть один из вас останется здесь заложником, а другие пойдут отнесут хлеб вашему отцу и приведут сюда младшего брата. А не то я прикажу вас казнить.

Братья заговорили между собою на своём родном языке. Они думали, что язык этот для Иосифа чужой и что он не понимает его.

— Это нам наказание за Иосифа, — сказал старший брат.

А Рувим сказал:

— Говорил я вам: не губите брата. Вот вам отмщение за злое дело.

Услышав это, Иосиф вышел в другую комнату и там заплакал. Потом приказал одного из братьев оставить заложником. А всех других повелел отпустить с полными мешками зерна, и дать им еды на дорогу, и тайно от них положить в мешки с зерном серебро, которым они заплатили за хлеб.

И отпустил их.

В пути один из братьев развязал свой мешок, увидел в нём серебро и закричал:

— Смотрите, у меня в мешке серебро, которое я отдал начальнику за хлеб!

Удивились братья, развязали свои мешки и в каждом нашли серебро. Страшно им стало: что теперь будет с их братом, которого они покинули в Египте заложником?

Вернувшись домой, они рассказали отцу, что с ними случилось в Египте. Когда Иаков узнал, что начальник потребовал привести к нему Вениамина, он не захотел отпустить его.

IV

Между тем голод в земле Ханаанской усиливался. Скоро семья Иакова снова осталась без хлеба. И снова Иаков посылает в Египет своих сыновей. Но старший сын говорит отцу:

— Мы не можем пойти в Египет без Вениамина. Ведь начальник строго приказал нам привести его. Мы пойдём ещё раз в Египет за хлебом, если ты отпустишь с нами Вениамина.

— Зачем вы сказали начальнику про вашего младшего брата? — горестно упрекал их Иаков.

— Начальник так расспрашивал нас обо всём — о тебе и обо всём нашем семействе... Мы не знали, что у него на уме.

Старший сын сказал отцу:

— Отпусти Вениамина! Обещаю тебе: все мы вернёмся живыми и привезём хлеба. А нет — делай со мной всё, что хочешь.

— Возьмите, — сказал отец, — что у нас есть самого дорогого — бальзаму, мёду, орехов, миндаля, — и отнесите в дар от меня египетскому начальнику. Верните ему серебро, которое оказалось в ваших мешках, и отдайте ещё серебро — последнее, что осталось у нас в доме. Возьмите с собой Вениамина и скажите начальнику, что я прошу его быть милостивым к моему младшему сыну и не причинять ему зла.

Братья пошли опять в Египет и пришли к дому Иосифа. Иосиф увидел их в окно — и Вениамина с ними — и приказал слугам:

— Введите этих людей в дом. И зажарьте лучшего козлёнка. В полдень они будут обедать со мной.

Братья испугались, когда слуги повели их в дом. Они думали, что их хотят задержать как воров, утаивших серебро, и стали объяснять, что они ни в чём не виноваты.

Тут вышел к ним брат, который оставался заложником у Иосифа, и они очень обрадовались.

Слуги дали им воды — обмыть руки и ноги.

В полдень Иосиф появился перед братьями, и они передали ему дары отца. Он спросил: "Как здоровье старика?" Они сказали: "Ещё жив".

— А это младший наш брат, Вениамин, которого ты велел привести, — сказали братья и поставили Вениамина впереди всех.

И Вениамин поклонился Иосифу.

— Да будет с вами милость божья! — сказал Иосиф.

Но он так был взволнован встречей с братом, что ушёл в другую комнату, чтобы скрыть слёзы, которых не мог удержать. Потом, умыв лицо, он снова вышел к братьям и приказал подавать обед. За столом Иосиф сидел отдельно от братьев и самые лучшие куски от каждого блюда посылал Вениамину. Братья пили и ели и благодарили Иосифа.

На другой день Иосиф приказал наполнить их мешки хлебом и положить туда всё серебро, которое они привезли в уплату. А в мешок младшего брата велел Иосиф положить серебряную чашу, из которой сам пил за обедом. И отпустил их домой.

. На рассвете братья вышли из города, погоняя ослов, нагруженных мешками с хлебом. Но не успели они далеко отойти, как их нагнал слуга Иосифа и сказал им:

— Как могли вы отплатить злом за добро нашему господину! Почему украли вы его любимую серебряную чашу, из которой он пил вчера с вами?

Они возмутились:

— Мы не сделали ничего плохого. Мы не крали серебряной чаши господина. Как могли мы взять что-либо из его дома? Мы ведь сами вернули всё серебро, какое нашли у себя в мешках... Обыщите нас. И если у кого найдётся чаша — казните его.

— Нет, — сказал слуга. — Господин повелел так: у кого найдётся чаша, тот пусть вернётся к нему и будет его рабом. А вы все можете идти дальше.

Братья развязали мешки. Чаша нашлась в мешке Вениамина. И слуга повёл его за собой обратно в город.

Но братья не могли оставить Вениамина в беде и все вместе вернулись в дом Иосифа. Иосиф стал укорять их, и тогда старший брат сказал Иосифу:

— Господин мой, я знаю, ты в Египте самый главный начальник после фараона, ты волен сделать с нами что захочешь, но прошу тебя, выслушай меня. Когда я сказал отцу, что ты требуешь привести к тебе нашего младшего брата, отец не хотел отпускать его с нами. "Два любимых сына были у меня, — сказал он. Одного растерзали хищные звери, а другого вы хотите увести в неволю. Если я потеряю ещё и этого — я умру с горя". Вот что сказал нам отец. А я успокоил его и обещал привести Вениамина обратно. Поэтому, господин, прошу тебя, оставь меня своим рабом, а Вениамина отпусти. Как могу я без него показаться на глаза отцу? Ведь он умрёт с горя!

Иосиф не выдержал, заплакал и открылся братьям.

— Я Иосиф, — сказал он. — Брат ваш, которого вы продали в Египет. Судьба уберегла меня, и возвысила над людьми, и дала мне власть, чтобы я мог спасти от голодной смерти и вас и отца. Идите же к нему и скажите: "Отыскался сын твой Иосиф; он ныне господин в Египте. Приди же к нему, не медли. Иосиф хочет,

чтобы ты жил около него. Он прокормит тебя и детей твоих и спасёт всех вас". Скажите отцу моему, что вы видели в моём доме. Идите и приведите его ко мне!

И обнял Иосиф Вениамина, своего брата, и плакал на груди у него. И всех братьев обнимал он, и целовал, и простил им зло, которое они причинили ему.

Фараону донесли, что Иосиф нашёл своих братьев, пришедших из земли Ханаанской. И захотел фараон сделать добро человеку, который честно служил ему и египетскому народу, и повелел привести в Египет отца Иосифа и всех его родичей, обещал им дать землю и хлеб, и колесницы для людей и имущества.

Долго не мог Иаков поверить, что Иосиф, его любимый сын жив, что живёт он в славе и богатстве, и помнит отца своего, и зовёт его жить с собою. Но так велико было желание отца увидеть сына, которого он давно привык считать погибшим, что приказал Иаков своим родичам сейчас же собираться в дальний путь.

Они простились с землёй Ханаанской и пошли в Египет — весь род Иакова, все его дети и внуки, все рабы и рабыни со всеми стадами. И дал Иосиф отцу и братьям землю, дома, колесницы и всё, что нужно было им, чтобы жить, не зная нужды и голода.

МОИСЕЙ

РОЖДЕНИЕ МОИСЕЯ

ТРИДЦАТЬ пять веков тому назад в Египте властвовал злой фараон.

У него было много рабов. День и ночь работали они на фараона, строили города, пирамиды и храмы.

Под жарким солнцем месили они глину, складывали кирпичи, тесали камни. Руки у них покрывались ранами. Песок разъедал раны. Ноги, скованные цепями, увязали в песке. Люди мучились от жажды и голода, и, когда они ели свою скудную пищу, на зубах у них хрустел песок.

Рабов понукали злые надсмотрщики. У каждого в руке была плеть. Горе рабу, если он хоть на миг распрямит свою усталую спину и перестанет работать! Надсмотрщик бил его плетью, и несчастный со стоном падал в песок.

Однажды ночью фараон не мог уснуть и стал думать о своих рабах. Ведь когда-нибудь они захотят отомстить ему за его жестокость. И ему стало страшно. Не слишком ли много у него рабов? А ну как они все вместе восстанут против него? Рабов было шестьсот тысяч. А что, если их станет ещё больше?

И повелел фараон убивать мальчиков, рождённых в семьях рабов.

И вот у одной рабыни родился сын. Испугалась бедная женщина, что её ребёнка убьют.

Сплела она камышовую корзинку, просмолила её и уложила туда дитя своё, как в колыбель. А сверху покрыла камышовой крышкой. Потом позвала дочь, велела отнести корзинку к реке и тихонько спустить с берега, посреди камышей, на воду. Самой же далеко не отходить, а спрятаться и смотреть, что будет.

Дочь поступила, как велела ей мать: опустила корзинку с маленьким братом у берега, а сама спряталась и стала ждать. И должно же было случиться так, что дочь фараона как раз в этот час захотела искупаться в реке. Пришла она к берегу со своими служанками, сбросила одежду, раздвинула камыши, и вдруг — корзинка!

Приказала дочь фараона достать корзинку. Открыла, а в ней мальчик лежит и плачет.

Удивилась дочь фараона, удивились и все служанки. Обступили они мальчика. Каждая по-своему его забавляет. А дитя не унимается, плачет. Видно, проголодалось. Тогда дочь фараона спросила:

— Не знает ли кто кормилицу для младенца?
Тут из-за куста выходит девочка. Подошла к дочери фараона и говорит:
— Я знаю кормилицу.
Обрадовалась дочь фараона, обрадовались служанки. Приказала дочь фараона девочке бежать за кормилицей.
Побежала девочка быстро, как ветер. Кинулась к матери:
— Не плачь, мама, спасём мы маленького брата!
И привела кормилицу к дочери фараона. А той и невдомёк, что кормилица эта — мать мальчика, что она родное дитя к груди прижимает.
Засмеялся мальчик на руках материнских, засмеялась и дочь фараона.
— Назову я мальчика Моисей, — сказала она, — что значит "в воде найденный", и будет он мне как сын. И пусть живёт во дворце моём вместе с кормилицей.

ЮНОСТЬ МОИСЕЯ

Шли годы.
Вырос Моисей, стал он высокий и стройный. Смешно было вспоминать дочери фараона, что когда-то он умещался в корзинке, Моисей — "в воде найденный".
Не могла вдоволь налюбоваться на него дочь фараона. Моисей и впрямь был прекрасен. Улыбка его, как звезда, озаряла дворец. Даже слуги любили Моисея. Такого доброго и справедливого человека во дворце никогда не видели. Больше всего гордилась дочь фараона умом своего приёмного сына: мальчик учился так, что в науках скоро превзошёл учителей.
Все его любили и баловали.
Но глаза Моисея смотрели грустно. И не могла понять дочь фараона, почему у него на глазах иногда блестят слёзы.
Моисей и вправду был несчастлив. Не мог он веселиться, видя, как мучаются рабы. Не мог спать, зная, что они голодают.
Однажды Моисей проходил через пустырь, где строили новый дворец, и услышал, что кто-то кричит. Побежал к тому месту и увидал, что надсмотрщик бьёт старика раба. Моисей бросился на помощь к несчастному. Но не успел. Старик упал лицом в песок и умер. Выхватил тогда Моисей плеть у надсмотрщика и с такой силой ударил злодея, что убил его наповал. Так отомстил Моисей за смерть раба.
Никто в Египте не смел тронуть надсмотрщика. Самая жестокая кара грозила тому, кто осмелится обидеть или ударить его. А того, кто убьёт надсмотрщика, казнили лютою казнью. Чтобы спастись от казни, Моисей решил бежать в страну Мадиамскую.
Солнце зашло, на землю спустилась ночь. А Моисей всё шёл не оглядываясь. Сердце его стучало так громко, что ему казалось: оно разбудит всех и поднимется тревога. Он весь дрожал. Ремни сандалий натирали ему ноги, но юноша всё шёл

и шел, пока не ступил наконец на землю Мадиамскую. Здесь он был в безопасности.

Он перевёл дыхание. Ещё несколько шагов до колодца. Измученный, припал он к воде, пил, пил и не мог напиться. Прохладная вода утолила жажду Моисея. Он лёг на спину, положил под голову камень и уснул.

И во сне ему привиделось, будто он совсем ещё маленький, плывёт в корзинке по воде, а кругом камыши и река сверкает на солнце.

МОИСЕЙ ЗАЩИЩАЕТ МАДИАМСКИХ ДЕВУШЕК

Моисея разбудил чей-то плач. На мгновение ему показалось, что это плачет его старая кормилица. Он открыл глаза. И увидел над собою весёлое небо.

Вскочил Моисей на ноги, стряхнул песок и застыл: за колодцем стояли девушки. Они привели своих овец на водопой.

Их было семеро. Девушки не замечали его. Они испуганно прижимали к себе кувшины, а младшая, очень тоненькая, громко всхлипывала. "Она-то и разбудила меня, — подумал Моисей. — Но кого же они боятся?" Моисей оглянулся.

Какие-то люди огромного роста с дубинами в руках приближались к девушкам.

Это были злые пастухи. Они спешили напоить своих овец и теперь бежали к колодцу, чтобы прогнать беззащитных девушек.

Но прежде чем пастухи опомнились, Моисей бросился на них один против всех. Лицо его пылало яростью. Пастухи кинулись прочь. Куда девалась их дерзкая удаль!

И тут младшая, та, что плакала, вдруг рассмеялась. Окружили девушки Моисея. Как благодарили они его за то, что защитил их!

Моисей не знал языка мадиамского, слова девушек звучали для него непонятной музыкой.

Только младшая почему-то молчала. Долго возилась она со своей овечкой, робко поглядывая на Моисея.

Моисей помог девушкам напоить стадо; и вот они уходят в горы, а Моисей смотрит им вслед из-под ладони.

МОИСЕЙ В СЕМЬЕ ИОФОРА

Возвратились девушки к отцу своему Иофору. Стали рассказывать, как за них заступился смелый юноша.

Иофор спрашивает:

— Почему же вы этого храброго человека не пригласили в наш дом, чтобы мог он отдохнуть после дороги? Почему не угостили его, не напоили вином?

Младшая дочь, исполняя желание отца, тотчас же пошла за Моисеем. И привела его. Полюбил Моисей добрых людей земли Мадиамской, и они полюбили его. Моисей остался у них жить.

Подружился Моисей с мудрым стариком Иофором. А младшая дочь Иофора — та самая, что робко глядела на него тогда у колодца, — полюбила Моисея. И Моисей тоже полюбил эту девушку. И они поженились. Моисей помогал Иофору во всём: стада пасти, землю копать, новый колодец рыть.

Иофор знал все премудрости земли Мадиамской. По обычаям этой страны он должен был передать свои знания старшему сыну. Он передал их Моисею, так как родного сына у него не было.

Стал Иофор учить Моисея чудесам.

Кинул Иофор палку на землю, палка стала змеёй и с шипением поползла по дороге. Если б Моисей был трусом, он наверное испугался бы. Но юноша с восхищением глядел на Иофора, как на доброго волшебника.

Ещё одно чудо мог совершать Иофор: зачерпнёт воду чистую, плеснёт на землю — и вода делается красной, как кровь.

Но всего больше поразило Моисея третье чудо. Иофор сунул руку за пазуху, вынул, а рука как мёртвая. Сунул снова руку за пазуху, вынул — рука по-прежнему живая.

Чего только не умел Иофор!

Настал день, когда Моисей научился сам делать чудеса.

Когда заходило солнце и Моисей пригонял стадо, старик и юноша садились на тёплый порог и беседовали до полуночи. Моисей поверял все свои тревоги Иофору. Не мог забыть Моисей, как тяжело живётся рабам фараона. Боль рабов была его болью. И задумал Моисей освободить рабов, увести их за собою из Египта.

— Я вернусь в Египет и помогу им! — сказал Моисей Иофору.

Иофор положил руку на плечо Моисея и сказал:

— Хочешь помочь своему народу, наберись терпения. Нельзя тебе вернуться в Египет, пока жив старый фараон.

ГОРЯЩИЙ КУСТ

Сорок лет прожил Моисей в стране Мадиамской; хорошо знал он теперь эту страну. И соседние страны знал.

Однажды пошёл Моисей пасти овец.

Вдруг видит: в поле куст горит.

Горит он, разгорается, но не сгорает. Остаётся цел и невредим. Загляделся Моисей на огонь. Никогда не видал он такого чуда! Будто огромный огненный цветок растёт в поле.

"Так и мой народ в рабстве горит — не сгорает, — подумал Моисей. — Надо спасти его от власти насильников, чтобы он стал свободен и счастлив".

Вернулся Моисей, а у порога встречает его Иофор.

— Умер фараон! — сказал он торжественным голосом.

И благословил Моисея в дорогу.

Собралась в дорогу и жена Моисея.

— Путь опасный, — сказал Моисей. — Не лучше ли тебе остаться?

Но жена очень любила Моисея. И они ушли вместе.

Иофор ещё долго сидел у себя на пороге один и смотрел им вслед.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОИСЕЯ В ЕГИПЕТ

Возвратился Моисей в Египет.

Во дворце, где он вырос, жил новый фараон. И всё было по-новому.

Только жизнь в стране осталась старая: трудная для рабов и лёгкая для вельмож.

Моисей вошёл в зал, где восседал фараон.

С детства он хорошо помнил этот зал. Раньше здесь была спальня фараоновой дочери. Фараонова дочь умерла, не было и слуг прежнего фараона.

— Зачем ты пришёл? — спросил фараон у Моисея.

Моисей стоял, опираясь на посох, и смело смотрел в лицо новому фараону.

— Я пришёл для того, чтобы вывести свой народ из Египта.

Лицо фараона побелело.

— Когда говоришь со мной, — закричал он, — брось палку!

Моисей бросил посох. Посох превратился в змею. Фараон вскочил с трона. Слуги завопили от страха и разбежались. Моисей схватил змею за хвост, и она обратилась в посох.

Жутко стало фараону.

— Ты, я вижу, волшебник! — сказал фараон.

— Да, я волшебник, — ответил Моисей, взял чашу с водой и выплеснул её на пол. Вода превратилась в кровь.

Трусливый фараон испугался.

— Будь моим другом! — сказал он Моисею. И протянул ему холёную руку.

Слуги удивились: до сих пор фараон никогда никому не подавал руки. Моисей вынул свою руку из-за пазухи, и все увидели, что рука у него как мёртвая. Задрожали пальцы фараона, зазвенели золотые кольца на них. Слуги бросились к фараону и подхватили его. В глазах фараона потемнело, и, словно издали, услышал он голос Моисея.

— Я хочу увести свой народ из рабства.

— Хорошо, — отозвался фараон. — Я позволяю тебе. Делай что хочешь.

— Когда ты разрешишь нам уйти? — спросил Моисей.

— Да хоть завтра, — ответил фараон.

КАЗНИ ЕГИПЕТСКИЕ

С первыми лучами солнца взбежал Моисей на ступени дворца.

Но слуга загородил ему вход и сказал, что фараон не велел никого пускать, а насчёт рабов передумал.

— Передумал? — спросил Моисей.

— Ты в своём ли уме, странный человек? — сказал один из слуг. — Как же фараону обойтись без рабов? Кто же будет строить в Египте дома, пирамиды и дворцы?

Рассердился Моисей. Отстранил слугу и вошёл во дворец. Фараон восседал на своём золотом троне.

— Я передумал, — сказал он Моисею.

— Ты обманщик! — воскликнул Моисей.

— Кто обманет, тот победит! — со смехом сказал фараон.

— Кто обманет, тот будет наказан, — тихо произнёс Моисей.

— Ступай прочь и не смей возвращаться! — крикнул фараон.

— Ты позовёшь меня сам, — сказал Моисей.

И ушёл.

Засмеялся фараон. Но вечером, когда он вышел в сопровождении слуг насладиться вечерней прохладой, он увидел, что фонтан в саду брызжет кровью.

Невесело стало фараону. Приказал он слугам удалиться. И всю ночь глядел на кровавый фонтан. Когда настало утро, фараон увидел, что вся земля у него под ногами кишит безобразными жабами.

В сад вбежали перепуганные слуги. Они упали перед фараоном на колени и со слезами сказали, что град побил хлеб на полях, а на те колосья, которые уцелели от града, налетела саранча. Слуга, не пускавший вчера Моисея во дворец, кричал, что болезнь поразила весь скот, что от этой болезни погибли лошади, быки и верблюды.

— Фараон, — рыдал слуга, — страна твоя стала несчастной и нищей.

Фараон посмотрел на слуг и увидел, что их руки и ноги покрыты ужасными ранами.

В сад вбежали новые люди, а за ними ещё и ещё, и толпа наполнила сад, а к ограде прильнули другие, и все повторяли:

— Вот наказание за то, что фараон обманул Моисея.

Тут к фараону вбежал гонец и принёс ещё более страшную весть: во всём Египте умирают дети. Не дети рабов, а дети важных вельмож и сановников.

Испугался фараон, что и его детям грозит смерть.

И призвал к себе Моисея. И сам упросил его, чтобы он увёл рабов из Египта.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЧЕРМНОЕ МОРЕ

И повёл за собой Моисей рабов египетских. Их было шестьсот тысяч. Нищие, оборванные, несчастные люди, знавшие только цепи и голод.

Старики, дети, юноши, девушки неуверенно ступали по земле. Шли медленно, будто после тяжёлой болезни, длившейся четыреста лет. Четыреста лет они были в плену у египтян.

Когда взошла луна, измученные люди достигли берега Чермного моря. Только расположились на отдых, как вдруг увидели — вдали клубится пыль.

Поняли они, что их нагоняет фараоново войско.

Жалко стало фараону, что отпустил он рабов, решил их догнать и возвратить силой.

Заблестели под луной щиты и копья.

Заплакали, застонали женщины и дети.

Но тут случилось чудо: море расступилось, чтобы пропустить Моисея и его народ. Ноги усталых путников ступали теперь по влажному песку морского дна.

И как раз в это время к берегу примчались страшные колесницы фараона. Всё фараоново войско остановилось в нерешительности. Но только на мгновение. С победным криком ринулось оно за беглецами по морскому дну.

Но беглецы были уже на том берегу. Последним на сушу вступил Моисей. И тут же морские волны сомкнулись над фараоновым войском и поглотили всё войско вместе с фараоном.

ПОДАРОК ПУСТЫНИ

Много дней шли люди через пустыню. Кончились припасы, и люди были голодны. Есть было нечего.

Однажды утром кусты пустыни покрылись серебристым инеем. Удивились люди: откуда здесь иней?

Оказалось, что это крупа такая. Сунули голодные дети крупинки в рот — вкусно. Повеселели люди. Стали собирать в корзины и есть. А прозвали крупу "манной небесной", потому что она с неба упала.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ

Трудно было людям, привыкшим к рабству, начать жить по-новому.

Что знали они в Египте? Законы фараона и египетских богов. Боги у египтян были странные: глиняные птицы с кошачьими глазами, каменные тигры с женскими лицами. Богов рабы изготовляли сами и сами же их боялись.

Фараон любил эти страшилища, потому что они пугали народ.
Злые законы царили в Египте. И решил Моисей создать новые законы.
И вот подошли они к горе Синай. И сказал Моисей людям, чтобы они подождали его в низине.
Раскинул народ пёстрые шатры и приготовился к отдыху.
Моисей же простился со всеми и стал подниматься в гору...
Долго не возвращался Моисей.
Скучно стало народу.
Вспоминали люди богов египетских, которым поклонялись.
Решили сделать золотого тельца и молиться ему.
Собрали всё, что было золотого: женщины поснимали с себя серьги, мужчины — амулеты.
И отлили золотого телёнка с рогами.
Стали вокруг него песни петь и поклоняться ему как богу.
Слишком недавно они ещё были рабами и не отвыкли от рабства, от поклонения идолам.
Сорок дней не было Моисея. Он писал на каменных плитах законы.
Моисей писал, когда сияло солнце и когда хлестал дождь. Светили ему то луна, то молния, то звёзды. Ветер рвал одежды, путал волосы, вызывал на глазах слёзы.
Наконец законы были составлены. Моисей назвал их заповедями, а плиты, на которых писал, — скрижалями.
Поднял Моисей скрижали и пошёл вниз, к людям.
Вот что-то блеснуло в низине...
Моисей услыхал пение и звуки тимпана.
Тревога охватила его.
Моисей ускорил шаг.
И вдруг за поворотом он увидал золотого тельца, а вокруг него — пьяных людей.
Рассердился Моисей.
Горько стало ему, что народ вернулся к идолопоклонству.
Поднял Моисей скрижали и разбил их об скалу.
Оборвалось веселье. Поняли люди, что они поступили недостойно. Сломали золотого тельца. Растёрли золото в порошок и развеяли по ветру. И стали у Моисея прощения просить, как дети.

ЗАКОНЫ

Моисей был добрый. Он не умел долго сердиться. Поднялся он во второй раз на гору, чтобы всё начать сначала. Во второй составил заповеди. Во второй раз стал спускаться с горы.
Высоко над головой держал Моисей скрижали.
Руки его устали, ладони горели.
Иногда глаза застилал туман; тогда на мгновение останавливался и шёл опять.

И когда он наконец сошёл с горы, люди увидели, что Моисей стал совсем седой. Притихли люди.

— Почему ты белый? — крикнула маленькая девочка и подбежала к Моисею.

— Если ты будешь исполнять, что здесь написано, не поседеешь раньше времени, — сказал Моисей. И стал читать: — Не поклоняйся идолам, не создавай себе кумира... Люби мать и отца... Не убивай... Не кради.. Не завидуй никому... Не лги и не ябедничай...

СМЕРТЬ МОИСЕЯ

Люди радовались новым законам. Они поняли, что это — начало новой жизни.

А Моисей почувствовал, что к нему подошла смерть.

Показал он народу, в какую сторону идти, чтобы строить жизнь по-новому. Земля эта виднелась за горой.

Простился Моисей со всеми и ушёл умирать.

Он шёл и думал, что нет большего счастья, чем жить для людей.

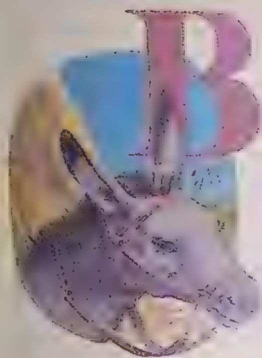
Не хотел Моисей, чтобы знали, где будет его могила.

Он боялся, что недавние рабы станут поклоняться его могиле, как язычники.

И никто на земле не знает, где могила Моисея.

ВАЛААМ И ЕГО ВЕРНАЯ ОСЛИЦА

В ДАВНИЕ-ДАВНИЕ времена, которых сейчас никто и не помнит, в одном маленьком государстве правил царь Валак. Рядом было большое, очень богатое государство, с зелёными лесами, с широкими полями. И захотелось жадному завистливому Валаку отнять у соседей их цветущую землю. Но войной идти на соседей Валак побоялся: пожалуй, не завоюешь ничего, только последнее войско потеряешь.

Значит, надо обмануть соседей, взять их хитростью.

Тут как раз до царя дошёл слух, что в далёком городе Пефоре, на реке Евфрат, живёт колдун Валаам и что будто бы этот Валаам умеет творить чудеса.

Царь решил, что без колдовства ему не обойтись. "Позову-ка я к себе этого колдуна Валаама, — подумал он. — Пусть Валаам нашлёт на соседей наводнение, чуму или засуху, я захвачу их земли, и они будут платить мне богатую дань".

Позвал царь старейшин и повелел им отправиться в город Пефор, где жил Валаам. Сели послы на верблюдов, ехали день и ночь. Много раз всходило и заходило солнце, а послы всё ехали и ехали по бесконечной дикой пустыне. Наконец добрались до города Пефора и к вечеру разыскали Валаама.

Валаам пригласил гостей войти. Гости вошли, поклонились, поднесли Валааму царские подарки: драгоценный сосуд для вина, шкуру леопарда и шёлковую ткань, шитую золотом. И говорят:

— Слыхал наш царь Валак, что ты великий чудотворец: кого похвалишь — тот будет счастлив, кого проклянёшь — тот погибнет. Приди помоги нашему царю с богатыми соседями справиться. Произнеси своё волшебное заклятие, напусти на них наводнение, чуму или засуху. И наш царь тебя за это щедро наградит.

Задумался Валаам. Идти не хочется: жаль губить неповинных людей.

— Ложитесь спать, — говорит он послам, — а утром я дам ответ.

Настала ночь, послы царские спят. Валаам думал, думал, как ему быть, и тоже задремал. Во сне ему явился сам Ягве и сказал:

— Не надо тебе ходить к царю, Валаам. Он затеял недоброе дело. Нельзя губить целый народ по прихоти жадного царя.

Встали утром послы, а Валаам и говорит:

— Идите себе домой, старейшины. Я с вами не пойду.

Понурые, печальные вернулись послы к царю и сказали, что Валаам не придёт.

Царь огорчился: "Видно, не понравились Валааму мои подарки". Велел он насыпать мешок серебра и мешок золота. Уже не старейшин, а именитых князей снарядил послами к Валааму. Велел им во что бы то ни стало уговорить его.

Сели князья на самых быстроходных верблюдов, двинулись через пустыню, через горы и виноградники, приехали к Валааму в город Пефор. А Валаам и слушать их не хочет: "Не пойду с вами, и всё тут". Князья помнят царский наказ, уговаривают его:

— Посмотри, Валаам, какие мы тебе подарки принесли. Возьми мешки, взвесь. Было ли у тебя когда-нибудь столько серебра и золота?

— Нет, — отвечает Валаам, — не нужно мне царского серебра, не нужно мне царского золота. Пусть хоть целую гору насыплет — не пойду.

А послы не отстают, уговаривают:

— Не упрямься, Валаам, едем с нами. Когда станет наш царь самым могущественным и самым богатым, ты прославишься на весь мир как великий волшебник.

Задумался Валаам.

— Вот что, — говорит, — ложитесь спать, а утром я дам ответ.

Настала ночь, князья спят, а Валаам думает — как быть? И решил не слушать Ягве, а поступить по-своему.

Встали наутро князья, видят — Валаам собирается в путь, свою верную ослицу седлает.

Вот и поехали они: князья впереди на верблюдах дорогу показывают, а Валаам сзади на ослице плетётся.

Едут они, едут, и вдруг — что такое? Валаамова ослица свернула с дороги и пошла по полю. Валаам смотрит: дорога гладкая — ни ручья, ни камня. Почему же свернула ослица?

Стал Валаам дёргать поводья, бьёт, понукает ослицу — не идёт она, да и только.

Наконец ослица сдвинулась с места. И поехал Валаам узкой тропинкой между виноградными кустами. Справа и слева — отвесные скалы.

Вдруг ослица шарахнулась в сторону, даже Валааму ногу к скале придавила.

И опять стоит — ни с места.

— Ах ты упрямая скотина! — вскричал Валаам. — Или палки тебе захотелось? — и стал бить ослицу, и ослица пошла.

А тропинка стала ещё уже. Дошли до такого места, где ни вправо, ни влево нельзя свернуть. Ослица вдруг легла. Валаам рассердился пуще прежнего, стал ногами её пинать.

И тут случилось чудо: ослица заговорила!

— За что ты бьёшь меня, хозяин? — спросила она.

Валаам был так зол, что даже не удивился, почему ослица говорит человеческим голосом.

— Как за что? — закричал он. — Счастье твоё, что я ножа не захватил, а то убил бы тебя на месте!

Ослица не испугалась.

— Вспомни, хозяин, ведь я всегда была послушна тебе! За что же ты бьёшь меня?

Понял Валаам: это неспроста. Видно, что-то необычайное случилось, если его верная ослица не повинуется ему. Всегда она была тихая, покорная, а тут взбунтовалась и заговорила.

Стыдно стало Валааму. Сел он на землю и закрыл лицо руками. А когда открыл — видит: посреди узенькой тропинки, окружённый белым облаком, стоит грозный посланец самого Ягве. Стоит, и его острый меч на солнце сверкает.

— За что бил ослицу? — спрашивает он гневно. — Ведь это я преграждал ей путь. Ослица меня видела, а ты не видел. Твоё упрямство ослепило тебя. Хорошо, хоть теперь у тебя глаза открылись.

— Что же мне делать? — спрашивает Валаам.

— Иди, но знай: злого дела тебе не удастся совершить.

Сказал и исчез, словно его и не было. И белое облако унеслось вместе с ним.

А Валаам продолжал свой путь и скоро приблизился к царским владениям.

Царь уже давно ждал Валаама, обрадовался, даже отдохнуть ему с дороги не дал. Сразу повёл на высокую гору, откуда видны были земли ненавистных ему соседей. "Говори, что тебе надо для заклятия. Всё будет сделано". Валаам велел развести семь больших жертвенных костров и около каждого заколоть по ягнёнку. А сам приготовился произнести заклятие, чтобы послать на соседний народ наводнение. Он стоял на высокой горе и смотрел на цветущие долины и синие реки, прекрасные сады и золотые виноградники, на поля, где зрели хлеба, и на склоны холмов, где паслись стада овец. Вдалеке среди холмов виднелся город: весёлые крыши сияли на солнце.

Царь стоял рядом с Валаамом и ждал. Ему казалось, что он уже видит, как на его недругов хлынули потоки воды.

И вот Валаам открыл рот, чтобы произнести заклятие. Но неожиданно царь услышал совсем другие слова. Валаам произнёс:

— Как прекрасна земля, как прекрасна жизнь! Как радостно жить в мире со всеми! Пусть люди под этими весёлыми крышами всегда будут счастливы, пусть в их садах зреют душистые яблоки, пусть их овцы спокойно пасутся на холмах.

— Ты что, старый безумец? — закричал царь. — Мы жертвенные костры зажгли, чтобы ты на соседей наводнение наслал, а ты им сулишь одни радости!

И царь кинулся тушить костры, чтобы и следов не осталось.

Успокоился царь немного и говорит Валааму:

— Пойдём на другую гору, новые костры разожжём.

Не хотелось Валааму идти, да царь его не оставляет, приказывает.

Пришли на другую гору. Царь думает: "Оно и лучше. Отсюда такой красоты не видно. Валааму легче будет заклятие произнести".

Разожгли костры, закололи овец и ягнят, ждут, что Валаам пошлёт на царских недругов засуху. А Валаам открыл рот и произнёс:

— Как прекрасна земля, как прекрасна жизнь! Как радостно жить в мире со всеми! Пусть люди мирно трудятся на своей земле, пусть всегда будут полноводны их реки, пусть в их садах зреет золотой виноград!

— Замолчи! Замолчи! — крикнул в ярости царь. — Не можешь заклятие произнести — так и быть, но не смей желать им добра и удачи!

Опять залили костры водой, головёшки разметали. На третью гору царь ведёт Валаама. С той горы одна пустыня видна. Царь думает: "Валаам забудет цветущие сады, обширные поля и весёлые крыши и произнесёт наконец заклятие".

Опять разжигают костры, опять царь с Валаамом на гору взбираются. Просит царь:

— Попробуй наслать на соседей чуму!

Валаам видел перед глазами скучную жёлтую пустыню, но не мог забыть поля и виноградники, пёстрые крыши среди цветущих садов, счастливую мирную жизнь соседнего народа. И Валаам снова произнёс слова восхваления.

Лютый гнев охватил царя.

— Убирайся прочь! — закричал он. — Не получишь ты ни золота, ни серебра, не станешь ты самым знаменитым волшебником!

— Ну что ж, — отвечал Валаам, — я ведь сказал твоим послам, что не надо мне ни золота, ни серебра. А знаменитым волшебником я и без тебя стану.

Сказал так Валаам и пошёл своей дорогой. Оседлал свою верную ослицу и вернулся в родной город Пефор. И правда, он стал знаменит ещё более: прославилось его имя за то, что он отказался помогать злому царю. Царя все забыли, а Валаама и Валаамову ослицу люди вспоминают до сих пор.

МОГУЧИЙ САМСОН

"САМСОН ИДЁТ!"

ДАВНЫМ-ДАВНО, в стародавние годы, жил в земле Ханаанской человек по имени Маной.

Солнце в этом краю светило круглый год. Хлеба родилось вдоволь. Виноград был сочный и сладкий, и его тоже хватало на всех. На зелёных склонах гор паслись коровы и овцы, в долинах журчали прозрачные и прохладные ручьи. Люди жили, трудились и не знали горя.

И вдруг словно ураган налетел! Хищный и жестокий царь соседнего государства напал на страну со своим войском. Хлеб пожёг, виноградники вытоптал, скотину угнал всю — и волов, и овец, и верблюдов. А потом стал со своими вельможами править разорённым народом.

Завоеватели вместе с жёнами и детьми поселились в стране и жителей этой страны заставили на себя работать.

Стоном стонет народ. Плачет Маной, плачет его жена: были вольные люди — стали рабы!

Пошла раз жена Маноя к колодцу воды набрать. Смотрит, там какой-то человек стоит. Подошла, а это странник.

Странник попросил у неё напиться. Жена Маноя опустила кувшин в колодец, набрала воды и протянула страннику.

— Пей, добрый человек!

Слово за слово, они разговорились.

Странник стал расспрашивать жену Маноя, хорошо ли живётся людям в этих краях.

— Да уж какое тут житьё! — говорит жена Маноя. — Работаем от зари до зари, а есть нам всё равно нечего. Чужие начальники берут всё себе, нас за людей не считают. И пожаловаться некому! А нам с Маноем совсем плохо: старость подходит, а помощника нет. Нет у нас детей, добрый человек!

Странник ей вдруг говорит:

— Хочешь, чтобы у вас сын родился?

— Как не хотеть!

— А сделаешь по-моему?

— Всё сделаю, добрый человек, — говорит жена Маноя. — Как велишь, так и сделаю.

— Хорошо, — говорит странник. — Тогда слушай: родится у вас сын. Будет он сильнее всех на свете. И когда вырастет, избавит ваш край от врагов. А ты только помни одно: нельзя ему стричь волосы. И ему скажи, когда подрастёт: что хочешь делай, а волос не стриги.

— Ладно, — говорит Маноева жена. — Запомню твои слова.

И только хотела она позвать странника в дом, чтобы он поел у них и отдохнул перед дорогой, как смотрит: нет его. Только пыль вьётся на том месте, где он стоял.

Ровно через год в семье Маноя родился мальчик. Назвали его Самсон. Мать ни разу с самого рождения его не стригла — помнила уговор! А когда Самсон вырос, она сказала ему:

— Ещё до того, как ты родился на свет, приходил к нам странник. Человек он, видно, был непростой. Сказал, что будет у нас сын. И ещё велел, чтобы сыну своему мы волос не стригли. Я ему пообещала, что так и будет.

— Ну что ж, — сказал Самсон, — раз дала такое слово, надо будет держать его и мне.

Когда он шёл по улице, мальчишки узнавали его ещё издали по длинным волосам и кричали:

— Самсон идёт! Самсон! Самсон!

САМСОН И ОСЛИНАЯ ЧЕЛЮСТЬ

И не было на свете человека сильнее Самсона. Однажды в деревню, где жил Самсон, пришли чужеземные воины. Как разбойники, вбежали они во двор к соседу и собрались уводить у него последнюю корову.

Самсон увидел воинов, прошёл во двор и всех их раскидал. Один в реку угодил, другой повис на суку, третий в канаве лежит ни жив ни мёртв, а четвертый побежал в город — начальству жаловаться.

Воины стали после того обходить эту деревню стороной. А царские вельможи задумались.

Слава о необыкновенной силе и храбрости Самсона росла с каждым днём.

— Этак нам несдобровать, — решили вельможи. — Надо поскорее Самсона изловить и расправиться с ним!

Но как к нему подступиться? Ведь он сильнее всех!

Думали, думали и наконец придумали.

По всем городам и сёлам разослали гонцов и объявили: если через три дня Самсона, связанного по рукам и ногам, не приведут во двор к царскому наместнику, то воины у всех жителей сожгут дома.

Услышал Самсон и сказал:

— Что же, всем страдать из-за одного человека? Ладно уж, вяжите меня!

И тогда взяли две новые, крепкие верёвки, связали ими Самсона по рукам и ногам и поволокли к наместнику. А сами плачут — так им жаль Самсона.

Стража вывела Самсона на площадь. На площади уже собралась толпа чужеземцев полюбоваться на связанного Самсона. Думали — тут ему и конец!

А Самсон только вздохнул поглубже, расправил плечи — и разорванные верёвки упали к его ногам. Самсон налево посмотрел, направо — нет ниоткуда спасения. Опустил голову. Смотрит: у самых ног его какая-то кость валяется. Подобрал, а это ослиная челюсть. Самсон давай ею от врагов отбиваться. Взмахнул раз — пятьсот человек, где стояли, там и легли. Махнул другой — ещё пятьсот человек уложил.

— Хо-хо! — закричал Самсон. — Хо-хо-хо! Целую толпу врагов одолел я ослиной челюстью!

И по всей стране прокатилось как эхо:

"Хо-хо!..Хо-хо-хо-хо!"

Это народ радовался тому, что чужеземцы не одолели Самсона, что Самсон жив.

САМСОН И ЛЕВ

Однажды весною мать говорит Самсону:

— Сходил бы ты в Фимну. Может, там мука есть. Наша вся вышла, а до нового урожая далеко.

Пошёл Самсон в соседнее село Фимну. Купил муки, взвалил мешок на спину и домой собрался. Вдруг видит: на самом краю деревни стоит у колодца девушка неописуемой красоты. И так она Самсону понравилась, что он решил на ней жениться во что бы то ни стало. Расспросил людей и узнал, что имя красавицы — Далила.

Приходит домой и говорит:

— Просватайте мне Далилу. Она в том селе живёт, в Фимне.

Отец с матерью замахали на него руками.

— Что ты, что ты! — кричат. — Или у нас своих девушек мало, что ты на чужой жениться задумал? Разве ты не знаешь, что Далила из того племени, от которого твоему народу житья нет.

Но Самсон и слушать не хочет. Заладил одно: "Жените меня на Далиле", и всё тут.

Делать нечего. Пошли все трое в Фимну, с невестой знакомиться. Идут по тропинке между виноградниками. В небе — ни облачка, птицы поют. Хорошо! Отец с матерью еле поспевают за Самсоном. Ноги старые, не слушаются. А он летит как на крыльях, земли под собою не чует. Скоро-скоро увидит он свою Далилу!

Вдруг из виноградника показалась большая косматая голова. Потом открылась огромная красная пасть и раздался такой страшный рёв, что все птицы, какие были в поле, вспорхнули и улетели за горы.

Это был лев — самый страшный зверь на свете.

А у Самсона при себе ни лука со стрелами, ни ножа охотничьего — ничего. И кругом — ни души. Родители совсем отстали, бредут себе потихоньку и знать ничего не знают.

Лев вышел из кустов и пошёл прямо на Самсона. Остановился, глядит на него в упор, ногтями землю царапает. Потом низко-низко пригнулся к земле — и прыгнул!

А Самсон — ему навстречу. Подхватил на руки, тут же в воздухе разорвал надвое и отбросил в кусты.

Голыми руками льва растерзал!

Подходит отец с матерью. А Самсон стоит, лицо рукавом вытирает.

— Ну и жара, — говорит.

А о том, что было, — ни слова!

Вот и пришли они все трое в Фимну. Далила сказала, что согласна за Самсона замуж пойти, и назначила день свадьбы.

На обратном пути Самсон вдруг говорит отцу с матерью:

— Идите вперёд, я вас догоню.

А сам пошёл на то место, где он со львом повстречался. Смотрит — лев, где лежал в кустах, там и лежит. Только — что за чудо! Словно гудит в нём что-то! Наклонился, а в мёртвом льве пчёлы поселились — целый рой. И мёду полно!

Подивился Самсон, потом выгреб мёд и дальше пошёл. Идёт себе по дороге, мёд посасывает.

Догнал родителей и говорит:

— Вот вам гостинец — кушайте на здоровье!

А откуда мёд, не сказал.

СВАДЕБНЫЙ ПИР

Пришло время свадьбу играть. Созвали гостей и по обычаю той страны целых семь дней пировали в доме невесты.

Гости были все чужеземцы — из невестиной родни. Уселись за стол, пьют, едят, песни поют, а сами на Самсона косятся: чужой!

А Самсону хоть бы что! Разговаривает с гостями, шутит, смеётся.

— Хотите, — говорит, — я вам загадку загадаю?

— Загадай, — говорят гости.

— Только, чур, уговор: если не угадаете мою загадку, каждый пусть мне свою самую нарядную рубаху отдаст, угадаете — я каждому по рубахе подарю.

— Ладно, — отвечают гости, — говори свою загадку.

А загадка Самсона была такая:

"В едоке — еда, в силе — сладость".

День думают гости, другой — ничего придумать не могут. Что за еда такая в едоке? Откуда в силе — сладость?

На третий день говорят невесте:

— Так и так, выручай. А то что же это выходит: позвала в гости, а потом рубаху долой?

— Что же вы меня спрашиваете? — отвечает им Далила. — Не я ведь загадку загадывала.

— А ты у Самсона выпытай. Он тебе жених.

Стала Далила у Самсона отгадку спрашивать, а он ей говорит:

— Ни отцу родному я этого не рассказывал, ни матери. И тебе до времени не скажу.

На другой день обступили гости Далилу, спрашивают:

— Ну?

— Не сказал.

Тогда они стали корить Далилу.

— Видно, жених тебе дороже своего народа, — говорят.

Далила опять к Самсону: "Скажи да скажи!"

А Самсон только смеётся.

Далила — гостям:

— Не говорит Самсон отгадки. После свадьбы, говорит, скажу.

Рассердились гости, загудели:

— Что выдумал — после свадьбы!

— Что же нам, со свадьбы голыми, без рубашек, домой идти?

И говорят Далиле:

— Раз ты нас не жалеешь, то и тебе пощады не будет: спалим твой дом, и тебя вместе с домом, и жениха твоего, и отца с матерью — всех сожжём!

Осталось до конца свадьбы три дня. Далила от Самсона ни на шаг не отходит, не даёт ему покоя ни минуты.

В последний день свадьбы Самсон наконец не выдержал слёз и попрёков Далилы и всё ей рассказал: как он, когда шёл к ней, льва убил и как на обратном пути нашёл в убитом звере мёд.

— Потому, — говорит, — я и загадку такую загадал: в силе — сладость, а в едоке — еда.

Далила тут же всё своим дружкам перешепнула.

Вот пир подходит к концу, солнце уже садится. Вдруг один из гостей выходит из-за стола, кланяется Самсону и говорит с усмешкой.

— Знай же, Самсон, что нет на свете зверя сильнее льва!

А за ним другой.

— Знай же, Самсон, — говорит он, — что нет на свете еды слаще мёда.

Третий говорит:

— Лев едок. Он всех ест.

— А мёд все едят, — говорит четвёртый. — Это еда.

А пятый гость говорит:

— Вот и получается, что в едоке — еда, а в силе — сладость.

Понял Самсон, откуда они такие умные.

— Знайте же, люди, — крикнул он, — что нет на свете никого болтливее женщины!

Бросил каждому гостю по рубахе и пошёл прочь. Даже не простился с Далилой.

САМСОН И ГОРОДСКИЕ ВОРОТА

Пошёл Самсон с горя куда глаза глядят. Идёт день, идёт другой, на третий к вечеру видит: впереди гора до самого неба, а под горою что-то белеет. Подошёл ближе, а это каменная стена.

В стене — ворота на каменных столбах. Самсон в эти ворота вошёл и очутился в большом городе.

Было уже совсем темно. Самсон постучался в первую попавшуюся дверь. Вышел хозяин со светильником в руке.

— Пусти меня ночевать, — попросил Самсон.

Хозяин узнал Самсона и говорит:

— Заходи.

А сам побежал сказать кому надо, что Самсон у него.

Город, в который попал Самсон, назывался Газа. Здесь как раз жили вельможи чужеземного царя. Они давно уже мечтали, как бы изловить Самсона, и очень обрадовались. "Теперь уж от нас он не уйдёт, — говорили они друг другу. — Натерпелись мы от него страху. Хватит!"

Самсон как лёг, так и уснул. А враги его не спят! Послали стражников, велели им заложить ворота на железную перекладину, а на перекладину замок навесить. Самим же — затаиться в кустах и, как только Самсон придёт к воротам, наброситься на него, повалить и связать по рукам и ногам. Ворота на запоре — куда Самсон денется?

Так и сделали. Стражники ворота заперли и сели ждать невдалеке за деревьями.

Самсон встал засветло. Он хотел дойти до своего села, пока солнце не начнёт припекать. Подходит к воротам города, а там замок висит. Что делать?

Самсон ухватился обеими руками за столбы, ногами в землю упёрся, поднатужился — и вырвал ворота из земли — со столбами, замком и перекладиной!

Стражники опомниться не успели, а Самсон уже в гору идёт, ворота на спине тащит. Так и дошёл он до самой вершины горы, ни разу не останавливаясь. Потом встал, скинул ворота, перевёл дух и вбил их столбами в землю.

Так они там, наверное, и до сей поры стоят!

САМСОН И ДАЛИЛА

Приходит Самсон домой. Родители рады.

— Ну вот наконец ты и пришёл, — говорит мать. — Где ты пропадал? Вот у людей уже хлеб сжали, а у нас колосья осыпаются.

Самсон пошёл в поле, поработал три дня, управился и говорит отцу с матерью:

— А теперь я пойду за Далилой.

Он забыл, что сердит на неё, а только помнил, какая она красивая и ласковая. Взял козлёнка трёхмесячного, чтобы подарить ей, и пошёл.

Приходит в Фимну, к дому, где жила Далила. Хочет к ней пройти, а в дверях стоит отец Далилы, вход загораживает.

— Здравствуй, — говорит он Самсону. — А мы думали, ты нас больше и знать не хочешь. Вот и невесту твою просватали.

— Как вы посмели просватать Далилу? — закричал Самсон. — За кого?

— За твоего приятеля. За того, который первым тогда твою загадку разгадал, — помнишь? Да ты не горюй: разве у меня только и дочерей, что Далила? Её младшая сестра ещё красивей. Хочешь, бери её себе в жёны.

Но Самсон уже не слушал. Вбежал к Далиле, подхватил её на руки и выбежал вместе с нею из дому. Козлёнок еле поспевал за ним!

Вот стали они вместе жить, Самсон и Далила, в долине реки Сорек. Самсон очень Далилу любил. А она всё никак не могла забыть, что он чужой, из чужого племени.

Однажды, когда Самсона не было дома, приходят к Далиле те самые гости, которые пировали у неё на свадьбе.

— Так и так, — говорят. — Выручила нас один раз, выручай и в другой.

— Как же мне вас выручить?

— А вот как: нам велено узнать, в чём великая сила Самсона и нет ли какого способа его одолеть. Вот ты и выведай у Самсона. Помоги нам, Далила, — ведь мы не чужие. Выведаешь, мы тебе принесём по тысяче сребреников каждый.

— Ладно, — говорит Далила. —Сделаю по-вашему, узнаю у Самсона, в чём его сила великая, и вам скажу.

Приходит Самсон домой. Далила в слезах.

— Ты чего плачешь? — спрашивает её Самсон.

— Как же мне не плакать? — отвечает Далила. — Ты говоришь, что любишь меня, а сам мне ничего не рассказываешь.

— А что тебе надо знать?

— Да вот все говорят, что нет на свете человека сильнее Самсона. А я, твоя жена, не знаю даже, в чём твоя сила великая. Неужели и вправду тебя одолеть нельзя?

Самсон засмеялся.

— Так вот у тебя какое горе? Слушай: если возьмёшь семь жил воловьих, из которых делают тетиву для лука, и хорошенько свяжешь меня ими, то всей моей силе — конец. Буду, как все люди. Что хочешь со мной тогда делай!

На другой день Далила побежала к Самсоновым врагам и всё, что он ей говорил, им пересказала. Они пришли к ней, принесли с собой семь жил воловьих и притаились у неё в углу.

Вечером, когда Самсон пришёл домой, Далила собрала на стол, сели ужинать. Потом Самсон встал из-за стола и говорит:

— Что-то я сегодня устал.

Лёг и уснул.

А Далила скорее воловьи жилы хватает. Самсона всего ими опутывает. Проверила узлы, крепко ли завязано, а потом как крикнет:

— Самсон! Проснись! Враги!

Самсон вскочил. Что такое? Кругом обрывки воловьих жил валяются. Улыбнулся, смахнул их с постели и снова спать залёг.

Так и ушли его враги ни с чем.

Наутро Самсон просыпается: Далила опять в слезах!

— Ты что? — спрашивает Самсон.

— А то, что ты правды мне сказать не хочешь. Ты только смеёшься надо мною. Ведь для тебя эти семь жил воловьих — всё равно что нитки.

— Ладно, — сказал Самсон, — так и быть, скажу, как меня одолеть можно. Вот у тебя ткацкий стан стоит у стены. Если расчесать мои волосы на семь кос да каждую косу впрясть в пряжу, то придёт моей силе конец, и тогда со мною всякий сладит.

Снова поверила Далила Самсону. Снова прячет врагов у себя в спальне.

Вот пришёл Самсон домой, сел за стол, поужинал. Далила ему и говорит:

— Давай я тебе волосы расчешу!

Самсон положил ей голову на колени и уснул. А Далила расчесала его волосы на семь кос, вплела каждую косу в пряжу, тихонько, чтобы не разбудить Самсона, придвинула ткацкий стан и начала пряжу эту гвоздиками к стану прибивать. Постучит: тук-тук! — и смотрит, не проснулся ли Самсон. Он всё спит, тогда она дальше: тук-тук, тук-тук!

И прибила волосы к ткацкому стану.

Потом как закричит:

— Самсон! Проснись! Враги!

Проснулся Самсон, поднял голову, и семь кос его выскользнули из пряжи, как семь змей. А он повернулся на другой бок и снова уснул.

Видит Далила: обманывает её Самсон, не доверяет ей.

— Так-то ты меня любишь! — говорит она ему наутро. — Так-то жалеешь! Другие своим жёнам всё говорят без утайки. Один ты ничего мне рассказать не хочешь.

И пошла, и пошла! От зари до зари не даёт Самсону покоя. То плачет, то бранится, то надуется, то грозит, что уйдёт от него.

Крепился Самсон неделю, крепился другую. Наконец видит: всё равно житья ему не будет, не отступится от него Далила, покуда всю правду у него не выпытает.

— Ладно, — говорит он ей, — не плачь. На этот раз скажу тебе всю правду: сила моя — в волосах. Мне их не стригли с самого рождения. А если меня постричь, то я буду, как всякий другой человек. Какой хочешь вяжи меня верёвкой — не распутаюсь.

Сказал и пошёл в поле работать.

А Далила, только он ушёл, быстро посылает за своими дружками и велит им принести с собой ножницы поострее.

Вечером Далила приготовила вкусный ужин и села против Самсона весёлая и ласковая. "Ну вот и хорошо, — подумал Самсон. — Теперь будем жить с ней по-прежнему, в мире".

Лёг спать и крепко уснул.

Далила тем временем взяла большие ножницы, смазала их маслом, чтобы не скрипели, и раз-раз! — остригла Самсона. А Самсон всё спит, да ещё во сне улыбается: видно, снится ему что-то очень хорошее.

Тут Далила как крикнет во весь голос:

— Самсон! Самсон! Враги!

Самсон проснулся. Враги выскочили из своего угла и набросились на него. Самсон думал их одной рукой раскидать, да не тут-то было: сила ушла. Провёл рукой по голове — волос нет.

Понял тогда Самсон, для чего Далила у него тайну выпытывала. Выходит, она была заодно с лютыми врагами его народа, а его самого нисколько не любила! И так горько стало Самсону, что он даже обыкновенной силы, какая у каждого человека бывает, и той лишился.

На улице уже дожидались. Увидели: ослабел Самсон. Ворвались к нему в комнату, обступили его, заковали в медные цепи и отвели в тюрьму. А Далиле насыпали полный мешок денег.

ГИБЕЛЬ САМСОНА

Самсона отвели в Газу, в тот самый город, из которого он ворота унёс. Там запрягли его вместо лошади и заставили крутить мельничный жёрнов. А чтобы убежать не вздумал, выкололи ему оба глаза.

Ходит Самсон по кругу, ворочает жёрнов, день-деньской мается... И не знает даже, много ли времени прошло или мало. Слепому ведь что день, что ночь — всё равно.

А во дворце тоже счёт дням потеряли: уже которую неделю пируют чужеземные правители, празднуют свою победу над Самсоном.

— Давайте призовём сюда Самсона! — сказал кто-то из пирующих.

— Да-да, пусть приведут Самсона, — зашумели все.

— Полюбуемся на знаменитого силача, который грозился выгнать нас из этой земли!

И послали в тюрьму за Самсоном.

Все чужеземцы, какие были в стране, пришли в Газу и столпились у входа во дворец. Всем хотелось взглянуть на пленного Самсона.

Дворец был большой и просторный, но чужеземцев оказалось так много, что все они поместиться во дворце не могли. И вот, кто не попал внутрь дворца, забрался на крышу. А кому и на крыше не нашлось места, стали вокруг дворца и старались заглянуть в окна. Хоть одним глазком увидеть своего давнего врага!

Жителей страны к дворцу не подпускали. Они стояли поодаль и плакали. Но вот раздался звон цепей, и в толпе закричали:

— Самсон идёт! Самсон! Самсон!

Медленно, с трудом передвигая ноги в оковах, шёл Самсон и держался за руку мальчика, которого ему дали в поводыри.

Он поднялся по ступенькам дворца. Толпа чужеземцев злорадно насмехалась над ним.

Но гордый Самсон, казалось, не слышал насмешек, словно он не только ослеп, но ещё и оглох.

— Подведи меня к столбам, — сказал он тихо мальчику-поводырю, — чтобы я мог к ним прислониться.

Мальчик вывел Самсона на середину дворца и прислонил его к одному из столбов, на которых держалась крыша.

Самсон нащупал другой столб рукой и сказал мальчику:

— Ну вот и хорошо. Теперь ступай на улицу, погуляй.

Мальчик вышел, а Самсон стал между двумя столбами и задумался. Припомнились ему тут все обиды, какие причинили ему и его народу чужеземные завоеватели. Вспомнил, как у отца его Маноя угнали волов, как у соседей виноградники вытоптали. Вспомнил, как подговорили жену его, красавицу Далилу, обмануть его и выдать врагам. Вспомнил, как раскалённым железом выжгли ему оба глаза.

А чужеземцы кричат, дразнят Самсона:

— Что ты на нас не посмотришь, Самсон?

— Что же ты не сбросишь свои цепи, Самсон?

— Загадай нам какую-нибудь загадку, Самсон.

— Что за еда такая в едоке?

— Где твоя хвалёная сила, Самсон?

"Эх, если бы сила моя вернулась ко мне хоть на час, хоть на минуту!.." — подумал Самсон и провёл рукой по голове. И вот чудо! Как это он раньше не заметил? Ведь волосы у него уже подрастать стали — уши наполовину закрыты! Значит, и силы прибавилось. Ощупал мускулы — они у него стали опять твёрдые, как мельничные жернова!

Тогда Самсон упёрся левой рукою в один столб, правой — в другой и закричал громким голосом:

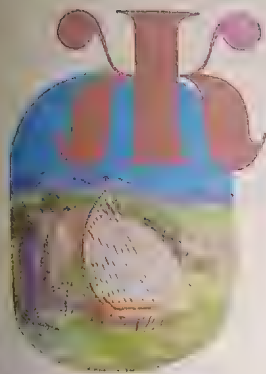
— Умри, Самсон, умри вместе с проклятыми врагами!

Собрал всю свою силу и сдвинул столбы с места.

Страшный грохот разнёсся по всей стране: это рухнул огромный дворец в Газе. И всех, кто внутри был, кто на крышу забрался и кто в окна снаружи заглядывал, — всех задавило до единого.

Погиб и Самсон. Но зато как отомстил он врагам-чужеземцам!

ЮНОСТЬ ДАВИДА

ЖИЛ-БЫЛ в Иудее старый пастух Иессей. И были у него сыновья, тоже пастухи. Младшего звали Давид. Был он красивый, стройный, белокурый и больше всего на свете любил петь, плясать и играть на гуслях.

Однажды приехали к Иессею гонцы от царя Саула и привезли с собой на повозке половину бычьей туши.

— Какие вести у вас, дорогие гонцы? — спросил Иессей.

— Плохие вести, — ответили гонцы. — Напали на нашу страну филистимляне — те, что живут на морском берегу. Грабят они наши города, убивают старых и малых, увозят наш хлеб и угоняют наши стада. Царю нужны воины, чтобы защитить нашу родину. Вот мы и ездим по степи от стада к стаду и возим с собой письмо от царя Саула.

— Где же это письмо? — спрашивает Иессей.

— А вот оно, — отвечают гонцы и показывают на половину бычьей туши.

— Что же означает это письмо? — спрашивает Иессей.

—А вот что, — отвечают гонцы. — Если кто не пошлёт царю Саулу воина, царь жестоко покарает его: каждую овцу, каждую корову, каждого быка в стаде этого человека велит разрубить пополам.

Отправил Иессей к Саулу своих старших сыновей.

— Отец, — сказал Давид, — позволь и мне поехать вместе с братьями. Я тоже хочу стать воином и защищать свою родину.

— Куда тебе! — закричали братья. — Оставайся дома и паси наше стадо. Твоё дело не воевать, а петь, да плясать, да играть на гуслях.

И остался Давид дома.

Вернулись братья с победой. Слушал Давид их рассказы про то, как храбро дрались с филистимлянами царь Саул и его отважный сын Ионафан. Слушал Давид и завидовал им.

Но прошло немного времени, и снова прискакал к Иессею гонец. Был он усталый, запылённый, и никакого письма при нём не было.

— Горе, горе нам! — кричал гонец. — Снова напали на нашу землю филистимляне.

— А много ли их? — спросил Иессей.

— Столько же, сколько песку на морском берегу, — отвечал гонец. — Не сосчитать. Зовёт царь Саул к себе на помощь всех, кто может держать оружие. Если не остановим мы разбойников-филистимлян, отнимут они у нас наши стада и всех нас превратят в рабов.

Сели три брата на коней, простились с отцом.

— Возьмите меня с собой, — попросил Давид. — Я тоже хочу защищать нашу землю.

— Оставайся дома, — ответили братья. — Твоё дело не воевать, а петь, да плясать, да играть на гуслях.

Шёл день за днём, и не было никаких вестей о братьях. Встревожился Иессей и говорит Давиду:

— Вот тебе мешок зерна и десять лепёшек. Возьми их и отнеси братьям. Отдашь — и скорей возвращайся домой.

Взял Давид мешок с зерном, десять лепёшек и отправился на поле битвы. Люди сказали ему, что встретились два войска в долине, где растёт старый высокий дуб.

Пришёл туда Давид, видит: стоит на одном краю долины войско Саула, а на другом — войско филистимлян. Стоят войска, глядят друг на друга, никто не вступает в бой.

Тут выходит из рядов филистимлян могучий великан по имени Голиаф. Держит он в руке железное копьё, на голове у него сверкает медный шлем, на руках — медные налокотники, на груди — медный панцирь, на ногах — медные поножи. А впереди идёт мальчик-оруженосец, из последних сил тащит тяжелый меч Голиафа.

— Эй, пастухи иудейские! — кричит Голиаф, а горное эхо вторит его словам. — Найдётся ли среди вас храбрец, который посмеет сразиться со мной? Если он победит меня, то мы, филистимляне, уйдём из вашей земли. А если я убью его, то станете вы нашими рабами. Ну, кто смелее всех — выходи! Я отдам твоё тело на растерзание зверям и птицам.

Молчит войско Саула. Молчит сам Саул. Молчит его сын Ионафан. Нет никого, кто решился бы выйти один на один со страшным великаном.

— Вы так же трусливы, как ваши овцы! — насмехается Голиаф.

— Ха-ха-ха! — смеются филистимляне.

"Ха-ха-ха!" — повторяет горное эхо.

Подошёл Давид к братьям, отдал им лепёшки и мешок с зерном и спрашивает:

— А что дадут тому, кто сразится с Голиафом и победит его?

И отвечают братья:

— Тому, кто победит Голиафа, царь Саул отдаст в жёны свою красавицу дочь. А зачем ты пришёл? Уходи сейчас же отсюда, здесь ротозеев не любят.

— Я пришёл не смотреть на сражение, а сражаться, — ответил Давид. — Вот возьму и выйду против Голиафа.

Услышали это люди, побежали к царю Саулу и говорят:

— Нашёлся смельчак, который хочет биться с Голиафом.

— Позовите его ко мне! — приказал Саул.

Привели Давида к Саулу. Посмотрел на него Саул и говорит:

— Ну куда тебе сражаться с Голиафом? Ты ещё слишком молод, а Голиаф опытный воин. Он с юных лет привык владеть оружием.

И ответил Давид:

— Царь, позволь мне сразиться с Голиафом! Ты прав: оружием я не владею. Но я с детства охраняю стада. Бывало, медведь нападёт на наших овец, я догоню

его и вырву добычу прямо из пасти. А если лев набросится на меня, возьму я его голыми руками за гриву, ударю об землю и убью. Я верю, что убью Голиафа, и ты поверь мне.

— Что ж, — сказал Саул, — я верю тебе, иди. Дайте ему моё оружие.

Надели на Давида шлем Саула и его панцирь, дали ему щит Саула и его меч. Обрадовался Давид: "Вот теперь я настоящий воин!" Хотел он даже сплясать от радости, да слишком тяжелы были для него меч, щит и броня. Сделал Давид несколько шагов, гремя тяжёлыми доспехами, и говорит:

— Не по мне такая одежда, я к ней не привык.

Снял он с себя шлем, панцирь, положил рядом с ним меч и щит, а вместо всего этого надел белый плащ, взял свою дорожную котомку, бросил в неё пять круглых камешков, обточенных водою ручья, сделал петлю из кожаного ремня. А в другую руку взял свой посох и пошёл навстречу Голиафу. Увидел его Голиаф и расхохотался:

— Иди сюда, мой маленький! Иди сюда, мой белый барашек! Я насажу тебя на это копьё, как ягнёнка на вертел! А где же твой меч? Где твой щит? Как ты будешь со мною сражаться?

— Не с мечом я иду и не со щитом, — закричал Давид Голиафу, — а иду я с именем моего народа в сердце! Я иду в бой за правое дело. А правда сильнее меча и острее копья.

Тут разглядел Голиаф, что несёт с собой Давид, и разозлился:

— Ты, мальчишка, идёшь на меня с палкой и с камнями, будто я собака!

— Ты хуже собаки! — закричал Давид. — Ты разбойник!

Вложил он камень в кожаную петлю, начал быстро-быстро вращать её и выпустил камень из пращи. Со свистом вылетел камень и угодил прямо в лоб великану. Рухнул Голиаф на землю, загремели его доспехи, и от ужаса застонали филистимляне, а горное эхо повторило их стон.

А потом поднялось над войском филистимлян облако пыли. Рассеялась пыль, и увидели воины Саула, что на том краю долины нет ни одного филистимлянина, все они ускакали прочь.

Взял Давид меч Голиафа, отрубил великану голову, поднял её за волосы и понёс царю Саулу.

— Кто ты такой? — спросил Саул. — Я ведь даже не знаю, как тебя зовут и чей ты сын.

И ответил Давид:

— Я сын пастуха Иессея и сам пастух, и зовут меня Давид.

— Теперь я твой отец, — сказал Саул. — Больше не вернёшься ты к своему отцу, а будешь охранять от врагов всю нашу землю. Я сделаю тебя своим полководцем.

И подошёл к Давиду сын Саула, царевич Ионафан, отдал он Давиду свою красивую одежду, обнял его и сказал:

— Теперь ты брат мой, и я буду любить тебя, как брата.

И отправилось войско домой. Впереди ехал царь Саул, по одну сторону от него — Давид, по другую — Ионафан. И как только становились они на привал, брал Давид в руки гусли, пел, играл и веселил Саула.

Всё дальше уходило войско от поля сражения, всё ближе подходило оно к родным местам. Женщины выбегали навстречу воинам, били в тимпаны, плясали и пели: "Слава Саулу! Он победил тысячи врагов! Слава Давиду! Он победил десятки тысяч! Давид — великий герой! Ему честь и хвала!"

Услышал Саул эти слова и нахмурился: "Вот уже и славят Давида больше, чем меня, и любят его все. А там и царство моё ему отдадут".

И задумал Саул погубить Давида. Вот он и говорит ему:

— Я обещал тебе в жёны дочь мою Мелхолу, но забыл сказать, что за неё нужен выкуп. Ты должен один сразиться с сотней филистимлян и победить их — это и будет выкуп за мою дочь.

И подумал Саул: "Будет хорошо, если не я сам убью Давида, а убьют его филистимляне, наши враги".

Отправился Давид один сражаться с филистимлянами и не сто врагов победил, а двести.

Пришлось Саулу отдать ему в жёны свою дочь Мелхолу. Устроили по этому случаю весёлый пир, и все, кто был на пиру, громко славили Давида. И чем громче звучали их голоса, тем сумрачнее становился Саул. Увидел это Давид и решил развеселить Саула песнями и пляской. И ещё больше хвалили люди Давида, видя, какой он простой и весёлый.

Не выдержал Саул и метнул в певца копьё. Но Давид увернулся, и копьё попало в стену. Тогда послал Саул своих верных слуг к дому Давида и сказал им:

— Вы должны до рассвета убить Давида. — А Мелхоле шепнул: "Давид — мой враг. Узнал я, что он хочет отнять у меня моё царство. Помоги мне убить его".

Но Мелхола любила мужа, и, когда они вернулись домой, открыла Мелхола окно и говорит Давиду:

— Беги отсюда! Отец приказал тебя убить.

Давид убежал, а Мелхола взяла большую куклу и положила её на постель вместо Давида. В изголовье была козья шкура, а куклу Мелхола укрыла с головой одеялом.

Ночью постучались в дверь царские слуги и сказали:

— Царь Саул зовёт к себе Давида.

А Мелхола ответила:

— Не может Давид прийти к царю, он болен и не в силах подняться с постели.

Принесли слуги постель во дворец. Сорвал Саул одеяло и видит: лежит на постели кукла, а в изголовье у неё козья шкура.

"До чего же он коварен, этот Давид! — подумал Саул. — Мало того, что он хочет отнять у меня моё царство, он отнял у меня и родную дочь. Сговорилась она с Давидом и обманула отца".

Шло время. Позвал к себе Саул царевича Ионафана и говорит ему:

— Куда пропал Давид? Скоро мы устроим пир, будем встречать молодую луну. Я хочу, чтобы Давид сидел рядом со мной и веселил нас своими песнями.

— Давид прячется от тебя, — ответил Ионафан. — Он боится, что ты его убьёшь. Скажи, отец, что плохого сделал тебе Давид? Ведь он помог тебе в трудную минуту и спас наш народ.

И сказал Саул Ионафану:

— Что было, то прошло. Я люблю Давида, как родного сына. Иди позови его.

Нашёл Ионафан Давида и говорит ему:

— Отец приглашает тебя на пир. Мы будем встречать молодую луну. Приходи, он очень соскучился по твоим песням.

И ответил Давид:

— Брат мой Ионафан, я не пойду на пир, потому что твой отец хочет убить меня. Если я в чем-нибудь виноват, то убей меня сам. Зачем нужно вести меня к твоему отцу?

— Отец обо всём советуется со мной, — сказал Ионафан, — я знаю все его мысли. Он ничего не говорил мне об этом.

— Царь Саул знает, что ты любишь меня, — ответил Давид. — Он ничего не сказал тебе, чтобы ты не огорчался.

И сказал Ионафан Давиду:

— Хорошо, я узнаю, что задумал отец. Спрячься за скалу, жди меня и не являйся на пир, пока я не дам тебе знать... Я выпущу из лука три стрелы и пошлю за ними слугу, чтобы он подобрал стрелы. Если отец задумал убить тебя, я крикну слуге: "Беги, стрелы перед тобой!" А если нет, я крикну: "Куда бежишь? Стрелы позади тебя!"

И вот наступил праздник молодой луны. Увидел Саул, что место Давида за столом пусто, и спросил Ионафана:

— Где Давид?

— Я отпустил его в Вифлеем, — ответил Ионафан. — Он хочет встретить праздник молодой луны вместе с отцом и братьями.

Саул так разгневался, услышав эти слова, что замахнулся копьём на Ионафана.

Тогда выпустил Ионафан три стрелы и велел слуге подобрать их.

— Скорее беги, — закричал Ионафан, — стрелы упали перед тобой!

А потом вернул он слугу и сказал, что сам подберёт стрелы. Пошёл Ионафан туда, куда улетели стрелы, и встретил Давида, который ждал его за скалой. Обнял его Ионафан и заплакал:

— Прощай, брат мой Давид! Теперь я знаю, что отец хочет убить тебя. Неужели с этого дня ты станешь его и моим врагом?

И ответил Давид:

— Брат мой Ионафан, нет у меня зла на твоего отца. А тебя я люблю, как родного. Клянусь тебе, что никогда я не трону ни твоего отца Саула, ни тебя, ни твоих друзей.

Обнял Давид Ионафана, и они расстались.

Узнал об этом Саул и подумал: "До чего же коварен этот Давид. Мало того, что он хочет отнять у меня моё царство, он ещё и околдовал моего любимого сына Ионафана".

Голодный и безоружный скитался Давид по Иудее. И однажды ночью постучался он в храм к мудрому старцу Ахимелеху.

Ахимелех очень удивился, что зять царя и великий полководец ходит по пустыне один, без друзей, без оружия, измученный и голодный.

— Почему ты один? — спросил Ахимелех Давида.

— Царь Саул послал меня по срочному делу, о котором никто не должен знать, — ответил Давид. — Я так торопился, что не взял с собой ни еды, ни оружия.

— Что ж, я помогу твоей беде, — сказал Ахимелех. — Вот тебе хлеб: я только что испёк его, он ещё горячий. Вот тебе оружие: это меч Голиафа, которого ты победил. А вот тебе и друг: это мой сын Авиафар. Он будет носить твой меч.

Взял Давид хлеб и меч, поблагодарил старика и ушёл вместе с Авиафаром.

Собрал Давид верных людей и спрятался вместе с ними в пещере. А Саул со своим войском отправился искать Давида по лесам, горам и пустыням.

И вот однажды в жаркий день стало войско Саула на привал рядом с той самой пещерой, где прятался Давид с товарищами. Вошёл Саул в прохладную пещеру, чтобы переждать жару, и заснул. Увидел его Авиафар и сказал Давиду:

— Твой враг сам попал в наши руки. Давай убьём его!

— Нет, — сказал Давид, — я поклялся Ионафану не убивать Саула.

Взял Давид меч, подкрался к спящему Саулу и отрезал край его одежды.

Проснулся Саул, вышел из пещеры, а вслед за ним вышел Давид и крикнул:

— Отец мой Саул, зачем ты преследуешь меня, как охотники преследуют по горам куропатку? Вот край твоей одежды. Я мог отрубить тебе голову, но я не тронул тебя.

Увидел Саул край своей одежды в руках у Давида и горько заплакал.

— Сын мой Давид, — сказал Саул, — ты мне за зло отплатил добром, а я хотел злом отплатить за добро, которое ты сделал мне и нашему народу. Я виноват перед тобой.

Сел Саул на коня и увёл своё войско домой. И ещё громче стал славить народ доброго Давида. Услышал это Саул и подумал: "До чего же хитёр этот Давид! Он мог убить меня и нарочно не убил, чтобы люди ещё больше полюбили его".

И снова собрал он войско и отправился искать Давида.

Однажды лунной ночью прокрался Давид с Авиафаром в стан к Саулу. Крепким сном спали воины Саула, и луна сверкала на их доспехах. Спал начальник стражи, спали часовые, опершись на копья. И в своём шатре спал Саул. У его изголовья торчало копьё, которое он перед сном воткнул в землю.

Подошли Давид и Авиафар к спящему Саулу, и сказал Авиафар:

— Я не давал клятвы Ионафану. Сейчас я возьму это копьё и проткну Саула так, что он и вскрикнуть не успеет.

— Возьми-ка лучше вот этот кувшин с водой, — сказал Давид, — а я возьму копьё.

Взяли они копьё, кувшин с водой, тихо прокрались между спящими воинами и спящими часовыми, поднялись на гору, и закричал Давид:

— Эй, начальник стражи! Хорошо же ты охраняешь своего царя! Где его копьё и кувшин с водой?

Проснулся Саул, видит — нет рядом с ним копья и кувшина. Но узнал он голос Давида и всё понял.

— Сын мой Давид, — закричал Саул, — снова ты пощадил меня! Прости меня, если можешь.

И вернулся Саул к себе во дворец, а люди ещё громче славили Давида за его доброту. И подумал Саул: "Никогда не было у меня такого хитрого врага. Он нарочно утащил моё копьё и кувшин, чтобы люди смеялись надо мной. А теперь, когда все видят, что он прав, а я неправ, он убьёт меня, и никто ему дурного слова не скажет".

И велел Саул разослать повсюду войска и казнить всех, кто даст Давиду поесть или напиться, кто увидит его и не донесёт царю.

Пожалел Давид своих друзей и ушёл в чужую страну. Услышал о нём царь этой страны и сказал:

— А не тот ли это Давид, про которого кричали, что он победил десятки тысяч? Если так, то это опасный гость, и нам нужно от него избавиться. Приведите его ко мне.

Пришёл Давид во дворец, и был он таким жалким, что его и родная мать не узнала бы. Одежда на Давиде была разодрана, волосы растрёпаны, руки и ноги тряслись, а в ответ на вопросы царя Давид только тряс головой да мычал.

— Не богатыря привели вы ко мне, а жалкого безумца, — сказал чужеземный царь своим слугам. — Что ж, пусть он остаётся в моей стране, он нам не опасен.

Так Давид обманул чужеземного царя и стал жить вдали от родины, в чужой стране.

И однажды прискакал к нему гонец. Одежда на гонце была разодрана, а волосы посыпаны пеплом.

— Какое горе привело тебя сюда, гонец? — спросил Давид.

— Для кого горе, а для кого и радость, — ответил гонец. — Вынимай, Давид, гусли: тот, кто хотел убить тебя, погиб. Ты можешь возвратиться домой.

И вот что рассказал гонец Давиду.

Когда филистимляне узнали, что Давид ушёл из родной страны, они снова напали на Иудею. Храбро сражались Саул и царевич Ионафан, но на Гелвуйской горе окружили их враги, вражеские стрелы поразили их воинов, погиб от стрелы царевич Ионафан, а Саул с оруженосцем оказался среди врагов. И сказал Саул оруженосцу: "Пусть злые филистимляне не радуются, что они меня убили. Возьми мой меч и заколи меня".

Но не посмел оруженосец выполнить его приказ. Тогда Саул воткнул в землю копьё, бросился на него и умер.

— Это неправда! — воскликнул Давид. — Чем ты это докажешь?

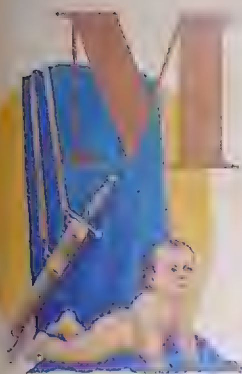
Гонец молча вынул из-под изодранного плаща золотую корону царя Саула. А Давид в знак горя разодрал на себе одежду, посыпал голову пеплом, сел на коня, вынул гусли, тронулся в путь и запел:

— Проклятье тебе, Гелвуйская гора! Пусть никогда не прольётся на тебя дождь. Пусть роса не выступит на твоих обагрённых кровью камнях. Пусть ни одна серна не проскачет по твоим тропам и ни одна травинка не вырастет на твоих склонах, потому что здесь погиб могучий Саул, здесь погиб брат мой Ионафан, которого я любил больше всех на свете. Они были сильны, как львы, и быстры, как орлы, никогда не расставались и погибли рядом. Горе и вам, злые филистимляне, погубившие их.

С этой песней вступил Давид на родную землю, и чем дальше он ехал, тем больше воинов шло за ним и тем громче летела весть из конца в конец: "Давид вернулся! Давид вернулся!"

И, услышав эту весть, в ужасе вскочили филистимляне на своих коней и умчались прочь.

СУД СОЛОМОНА

МОЛОДОЙ царь Соломон услышал однажды во сне неведомый голос.

"Проси, что дать тебе? — сказал ему этот голос. — Ты должен решить свою судьбу. Хочешь ли прославиться на земле военными подвигами? Хочешь ли приобрести много золота и сделаться первым богачом? Или покорить себе все народы? Или прожить долгую-долгую жизнь?.. Выбирай — и сбудется, что ты захочешь!"

Задумался Соломон и, подумав, ответил:

"Не прошу я себе ни воинской славы, ни богатства, ни долголетия. Не хочу и власти над всеми людьми. Одного я хочу: стать мудрым. Пусть сердце моё будет разумным, а разум добрым, чтобы я мог различать добро и зло, и быть справедливым судьёй".

И сказал ему голос:

"Да будет так".

И стал Соломон мудрейшим среди людей.

И оттого что он был мудрецом, сделался он и могущест венным властителем, и приобрёл несметные богатства, и покорились ему все народы, и прославился он на весь мир.

По всей земле шла молва о его великом уме и справедливости.

И люди приходили к нему, чтобы он рассудил их споры и тяжбы.

Однажды пришли к нему две женщины и принесли ребёнка, которому ещё не было и месяца от роду.

И сказала одна женщина:

— Царь! Мы жили обе в одном доме, спали в одной комнате. У меня родился сын, у неё тоже. Во всём доме мы были одни, и никого с нами не было. Ночью сын этой женщины умер, и она украдкой положила его ко мне в постель, а моего сына взяла к себе. Утром я проснулась и вижу возле себя её мёртвого ребёнка.

Но тут другая женщина стала кричать:

— Неправда! Это мой сын живой, а твой мёртвый!

Соломон сказал:

— Подайте мне меч!

Когда принесли царю острый меч, Соломон приказал воину, стоявшему рядом:

— Возьми ребёнка и рассеки его надвое. И отдай одну половину одной женщине, а другую половину — другой.

Первая женщина испугалась и закричала:

— Не убивайте его, не убивайте! Молю тебя, царь, не вели убивать его! Лучше отдай моего сына этой женщине — лишь бы он остался в живых!

А другая сказала:

— Справедливо решение твоё, о мудрейший! Пусть не достанется этот ребёнок ни ей, ни мне!

Тогда Соломон удержал руку воина и сказал:

— Отдайте ребёнка той, которая пожалела его: она и есть его мать!

И ребёнка отдали матери, и она прижала его к сердцу. А обманщицу с позором прогнали прочь.

Так рассудил Соломон, мудрый и справедливый.

ВИНОГРАДНИК НАВУФЕЯ

ЦАРЬ Ахав был храбрый воин. В каждом сражении его боевая колесница бесстрашно врезалась в самую гущу врагов.

Было только два человека на свете, которых боялся царь Ахав. Один из них был старый мудрец Илия, человек необыкновенный. Он всю жизнь бродил по горам и лесам. Лицо его потемнело от солнца, глаза горели, как угли, а борода была белая и длинная — до самого пояса. О пище он никогда не заботился, потому что каждый день прилетали к нему вороны и приносили ему в клювах хлеб и мясо. Бедные люди любили Илию. Когда случалась беда или кого-нибудь обижали, мудрец появлялся среди народа. И все радовались: "Илия пришёл! Илия пришёл!" Знали, что он всегда защитит слабого и обиженного. Царь часто бывал жесток и несправедлив к людям и потому боялся Илию.

А ещё царь Ахав боялся своей жены — чужестранки Иезавели. Это была злая, бессердечная женщина. Она всеми помыкала, и сам царь должен был исполнять малейшие её желания и прихоти.

Однажды царь вышел гулять и увидел невдалеке от дворца большой и прекрасно возделанный виноградник.

— Чей это виноградник? — спросил он.

Слуги ответили ему:

— Это виноградник Навуфея, крестьянина.

— Позвать ко мне Навуфея!

И когда привели Навуфея, царь сказал ему:

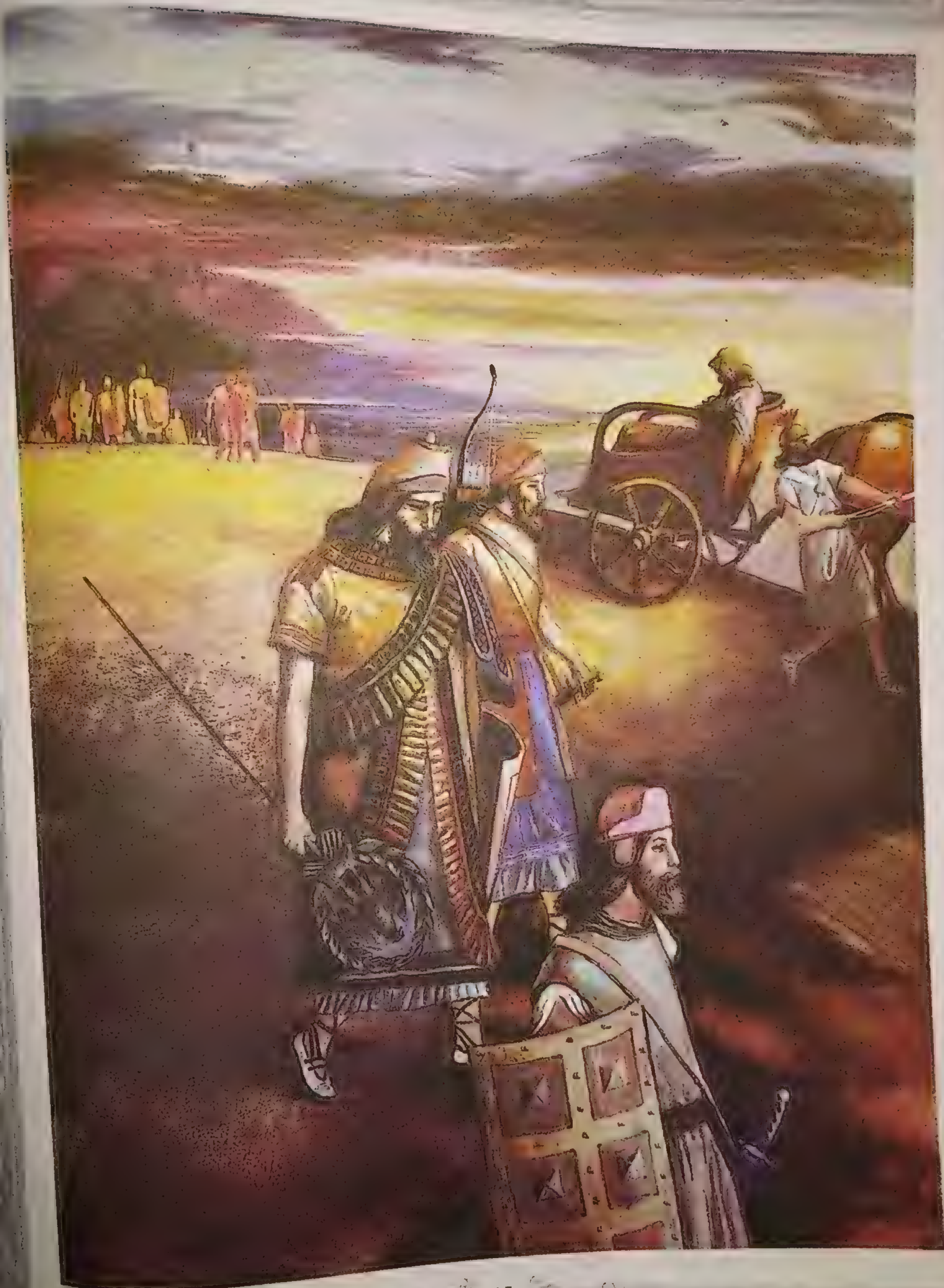
— Отдай мне свой виноградник. Он ведь рядом с моим дворцом. Я бы разбил здесь огород. Я тебе дам другую землю, ещё лучше этой. Ты сможешь посадить там свой виноград. Или просто заплачу деньгами, серебром, по-царски.

Крестьянин Навуфей выслушал царя, поклонился ему и ответил:

— Отдать землю отцов моих, государь?! Смилуйся надо мной! Мой отец завещал мне беречь эту землю — ведь она полита пóтом моих предков. Я люблю её и никому — даже тебе, государь! — продать не могу.

Ахав знал, как уважают в его стране память отцов, и понял, что ему не уговорить Навуфея. Грустный вернулся он во дворец, лёг на кровать, повернулся лицом к стене и три дня и три ночи не ел, не пил и ни с кем не разговаривал. На четвёртый день царица не выдержала и спросила:

— Что с тобою, Ахав? Что за горе тебя одолело?

— Не спрашивай, Иезавель, — ответил ей Ахав. — Горю моему всё равно помочь нельзя. Приглянулся мне виноградник соседа-крестьянина, хотел я его купить, а крестьянин заупрямился: ни за деньги продать не соглашается, ни обменять на другую землю. А мне бы его участок пригодился! Виноград я бы велел выкорчевать, а на том месте разбил бы славный огород.

Рассердилась Иезавель, услышав рассказ царя.

— Вот как! — сказала она. — Оказывается, государством нашим правит не царь Ахав, а какой-то крестьянин! Как же его зовут?

— Навуфей, — сказал Ахав.

— Ну вот и хорошо. Теперь я хоть знаю, кому мне кланяться.

И, прошуршав пышными одеждами, Иезавель вышла из царской опочивальни.

А наутро она от имени царя разослала старейшинам города письма, запечатав их царской печатью. Старейшины распечатали письма и прочитали:

"Я, царь Ахав, приказываю вызвать на суд крестьянина Навуфея. И чтобы на суде были два свидетеля, которые сказали бы, что слышали, как крестьянин Навуфей бранил меня, своего государя, самыми грубыми словами. И чтобы суд приговорил Навуфея вместе с сыновьями к смертной казни. И чтобы побили их всех камнями насмерть. Так приказываю вам я, ваш царь Ахав".

Старейшины удивились такому приказу, но делать нечего: пришлось исполнять волю царя. И честного Навуфея судили. Нашли двух бесчестных лжесвидетелей — одного запугали, другому посулили награду — и всё сделали по письму за царскою печатью.

А Иезавель, как только узнала о казни Навуфея и его наследников, поспешила к Ахаву и сказала:

— Радуйся, царь! Нет больше хозяина у виноградника, что так тебе полюбился. Иди владей им!

Обрадовался Ахав и, не думая о бедном Навуфее, тотчас пошёл к винограднику.

Но кто это идёт ему навстречу? Старец в пастушеской одежде, с большим посохом в руке. Сразу узнал его царь. Это Илия — мудрец и защитник обиженных. Не первый раз встречался с ним Ахав. И при всякой встрече Илия укоряет его за то, что он слушает дурные советы злой и коварной Иезавели.

Гневно смотрит Илия на царя. В глазах его сверкают молнии. И голос гремит, как гром.

— Ты убил хорошего, честного человека, — гневно сказал Илия. — И теперь пришёл сюда завладеть его добром. Этому тебя научила твоя злая жена. Так знай же: там, где пролилась кровь ни в чём не повинного Навуфея, прольётся и твоя собственная кровь. И жене твоей, царице Иезавели, также не уйти от наказания.

Ахав заплакал и, закрыв лицо руками, вернулся к себе во дворец. А народ кругом зашумел: "Илия обличил царя! Илия вступился за невинного! Горе жестокой Иезавели!"

И скоро Ахав был наказан за своё злодеяние. Гибель настигла его в бою. Отправляясь на войну, он оделся в одежду простого солдата, чтобы враги не узнали его. Но это его не спасло. Прожужжала стрела, прошла между щитками его панциря и вонзилась ему прямо в сердце.

— Я ранен! — закричал Ахав. — Везите меня домой!

Возничий повернул колесницу, но не успел довезти царя до дворца. Царь Ахав умер с последним лучом солнца, проезжая мимо виноградника Навуфея.

Недолго после него прожила и Иезавель. Слуги жестокой царицы были не в силах больше терпеть её несправедливость. И однажды, когда она нарумянила лицо, нарядилась в царские одежды и встала у окна, они подкрались к ней сзади и выбросили её в окно.

А чудесный виноградник стоит и по сей день. И, собирая сочные гроздья, люди вспоминают честного крестьянина Навуфея, жадного царя Ахава, жестокую Иезавель и мудрого и справедливого старца Илию.

ДАНИИЛ

ЖАДНЫЙ ЦАРЬ

ИЛ-БЫЛ в далёком Вавилоне богатый и могучий царь Навуходоносор. Чего-чего только не было у него! Золота, серебра, драгоценных камней — полные сундуки. На берегу синего Евфрата стоял высокий, просторный дворец. Лёгкие мосты были перекинуты через реку, и от неё во все стороны расходились каналы, прямые, как стрелы. Кругом росли диковинные цветы и деревья, а в ветвях райские птицы пели на разные голоса: "*Вавилон, Вавилон, золотой Вавилон!*"

Но жадному Навуходоносору, царю вавилонскому, всего было мало! Он что ни богаче, то завистливее становился. Услышит о каком-нибудь государстве, что там без него люди хорошо живут, и уже места себе не находит, тоскует, всё себе забрать хочет! Вот рассказали ему, что есть на свете такой город, где в древние времена, ещё при мудром царе Соломоне, построили великолепный дворец. Навуходоносор сразу покой потерял. Всё мерещится ему знаменитый дворец Соломона. Закроет глаза — и видит медных быков и львов и медных крылатых женщин, подпирающих колонны, увитые медными яблоками, гранатами и пальмовыми листьями. Но больше всего раззадорили жадного царя рассказы о лестнице во дворце Соломоновом, где на широких мраморных ступенях — так говорили люди знающие — стояли золотые львы, по два на каждой ступеньке, друг против друга. Всего двенадцать львов. Стоят, подняв лапу, и волнистые их гривы сверкают на солнце.

— Хочу, чтобы золотые львы и медные крылатые женщины мой дворец сторожили, а не дворец Соломона! — воскликнул Навуходоносор и повёл своё войско войною на этот прославленный город.

Целых два месяца мчалась быстрая вавилонская конница. На третий перед нею блеснули белые стены города. Окружили вавилонские воины город, кругом насыпь высокую насыпали и давай стрелять с этой насыпи острыми стрелами да таранить стены тяжёлыми таранами. А город всё стоит! Пробьют в наружной стене брешь, а за нею другая стена стоит — внутренняя. Внутреннюю стену проломят, а за ней сам народ стеною стоит!

Два года не сдавался славный город. На третий не стало уже силы в руках у его защитников: кончились запасы хлеба, и вода иссякла. Не от стрел, не от таранов сдались они врагу, а от голода.

Рухнули стены города, и ворвалась в него вавилонская конница. Пыль от конских копыт заволокла весь город, от грохота колёс затряслись дома. Свирепые воины топорами и мечами рубили всех, кто им попадался, — и мужчин, и женщин, и детей. Дома сожгли и разрушили, дворцы и храмы разграбили. А золотых львов — все двенадцать — сняли с мраморных ступеней дворца Соломона, погрузили на колесницы и отправили в Вавилон.

Когда развеялся дым пожаров, улеглась пыль от конских копыт, умолк свист мечей и заглохли стоны умирающих, Навуходоносор приказал отобрать из тех, кто остался в живых, искуснейших плотников, портных, кузнецов и художников, всех их велел заковать в цепи и отвести в Вавилон вместе с награбленными драгоценностями.

ВАВИЛОНСКИЕ ПЛЕННИКИ

Десять тысяч человек увёл Навуходоносор к себе в плен.

На улицах разрушенного города солдаты подобрали четырёх мальчиков, четырёх сирот, и тоже привели их в Вавилон.

Остановились мальчики перед воротами вавилонскими и разглядывают их. На воротах бык нарисован: тело белое, гладкое, рога и копыта золотые, вместо хвоста змея извивается, тоже золотая. Как живой, шагает он крупным шагом, грозно устремив рога вперёд. Мускулы напряжены, уши прижаты, ноздри раздуваются. Горе тому, кто попадётся на его пути.

В ту пору шёл мимо ворот Вавилона царь Навуходоносор. Увидел мальчиков, остановился.

— Тебя как зовут? — спрашивает царь одного.

— Миса́х.

— А тебя как?

— Седра́х.

— А тебя?

— Авдена́го.

— Ну а ты? — спросил Навуходоносор четвёртого, того, который был и ростом выше остальных, и лицом красивее.

— Я Даниил, — ответил мальчик и взглянул царю прямо в лицо.

Увидел царь: мальчики смышлёные, отвечают бойко — и велел отдать их в учение к вавилонским мудрецам и волшебникам, да содержать их в чистоте и холе, да кормить их лакомствами с царского стола. "Мне же будет больше славы, — рассудил он, — если они вырастут и сделаются большими учёными"

Мальчики были прилежные, учились — не ленились, но от царского угощения отказывались. Сладкий кусок им поперёк горла становился. Каждый вечер до их окон доносились плач и стоны их земляков, вавилонских пленников. Каждый вечер после тяжких дневных трудов собирались пленники на берегу реки вавилонской, вешали свои гусли на ветви прибрежных ив и плакали, вспоминая милую родину. Слуги царя Навуходоносора жестоко насмехались над ними.

— Что же вы не поёте, не пляшете, не играете на гуслях своих песен? — спрашивали они бедных пленников.

— Нам не до музыки, не до веселья, — отвечали они.

Слёзы их лились прямо в реку, и река становилась солёной, как море.

Мальчики попросили начальника, которого над ними поставил царь, давать им вместо царских сладких кушаний хлеб, да бобы, да овощи, и всё это они запивали простой водой.

— А что, как похудеете? — сказал начальник. — Ведь царь с меня спросит.

— Не бойся, — отвечали они, — не похудеем, вот увидишь!

Начальник уплетал за мальчиков царскую еду, а они на одних овощах да бобах выросли крепкие и здоровые — ничуть не похудели!

Через три года доложили царю, что мальчики прошли все вавилонские науки и премудрости, и царь потребовал их к себе во дворец. Мальчиков одели понаряднее и привели к царю.

Царь стал спрашивать их, а они отвечали. Видит Навуходоносор: умные мальчики, а Даниил умнее всех.

ПЕРВЫЙ СОН НАВУХОДОНОСОРА

Много ли времени прошло, мало ли, только вдруг по всему царству вавилонскому раздался клич: великий царь Навуходоносор немедленно требует к себе во дворец всех мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей.

Кругом — ночь, а во дворце светло, как днём: в честь неурочного пробуждения царя слуги засветили десять тысяч светильников.

Царь пробудился от собственного крика — такой страшный приснился ему сон. Навуходоносор не может утра дождаться, хочет, чтобы тут же ему его сон растолковали.

Вот собрались все мудрецы да кудесники, маги-гадатели и снов толкователи во дворец, и царь им говорит:

— Вот и хорошо, что пришли. Какой мне сон страшный привиделся! Я проснулся от собственного крика. Растолкуйте мне мой сон поскорее, и тогда мне не будет так страшно.

— Век живи, государь, — сказали мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи. — Рассказывай теперь нам свой сон, попытаемся тебе его растолковать.

И сказал тогда Навуходоносор:

— Слушайте! Снилось мне... — Тут царь погрузился в молчание и молчал так долго, что все кругом подумали: не уснул ли он опять?

— Забыл! Забыл свой страшный сон! Только и помню, что очень страшный был.

Тогда выступил вперёд начальник всех мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей и сказал Навуходоносору:

— Век живи, государь! И не труди свою царскую голову! Ложись-ка снова спать, и пускай тебе тот же самый сон приснится. А мы останемся здесь, во

дворце, и будем сторожить твой сон у твоей опочивальни. Как позовёшь нас, мы и войдём, и ты нам поведаешь, что тебе приснилось.

Совет понравился Навуходоносору.

— Хорошо придумано! — крикнул он и хлопнул в ладони. — Эй, слуги! Уложите меня спать поскорее.

Царские слуги подбежали к царю и понесли его на золотую постель. Справа и слева к царской постели подошли двое слуг: один ему правый глаз закрыл, другой — левый. Шестеро слуг стали в ряд по обе стороны золотой постели и плавно помахивали над ним опахалами из пальмовых листьев.

Но и на этот раз царский сон был недолог. Спит-спит и вдруг как вскочит, как закричит не своим голосом!

Мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи вбегают в спальню со всех ног, столпились у царского изголовья и спрашивают царя, что же приснилось ему на этот раз. А царь опять силится вспомнить свой сон и не может.

Тогда мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи решили остаться в опочивальне царской и сторожить сон Навуходоносора у самого его изголовья.

— Хорошо, — сказал царь, — только, чур, не дремать! Садитесь поближе да смотрите со мною сон, который мне приснится.

И снова увидел царь страшный сон, и снова вспомнить его не может. А мудрецы-гадатели не знают, что сказать царю, как его утешить.

Рассердился свирепый царь.

— Сказать, что мне снилось, немедленно! — кричит.

— Век живи, государь, — отвечают мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи. — Не боги мы, не отгадчики, а всего лишь учёные люди.

— Даю вам три дня на размышление! — закричал царь и ногами затопал. — Если через три дня вы не расскажете, что мне снилось, то я всех мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей велю изрубить на куски, а дома их огнём спалить.

— Век живи, государь, — чуть слышно прошептали мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи и на цыпочках попятились к дверям.

Ждёт царь день, ждёт другой, третий ждёт — не придёт ли кто из мудрецов да кудесников, магов-гадателей и снов толкователей, не придёт ли, не расскажет ли, что ему приснилось? Но никто не идёт. Все сидят по углам и дрожат, лютой казни дожидаются.

На четвёртый день царская стража стала рыскать по всему государству, всех учёных людей в кучу собирать перед казнью.

Пришли и к Даниилу.

Даниил у стражников спрашивает:

— За что это вы нас погубить хотите?

— Царю сон приснился, — отвечает стража, — какой — не помнит, а никто из вашего брата учёных ему не скажет. Вот вас за то и казнят. Другой раз будете слушать царский приказ.

—Что же меня никто не догадался спросить? — говорит Даниил. — Ты вот что, брат, ступай во дворец, да скажи: так и так. Даниил просил кланяться. А казнить нас всегда успеешь.

Начальник стражи пошёл во дворец и доложил обо всём царю.

— Как же это я не вспомнил о Данииле? — закричал царь. — Ведь умнее его во всём царстве у меня нет! Позвать его немедленно сюда!

Приводят к царю Даниила. Даниил кланяется ему и говорит:

— Слышал я о твоей беде, государь, и готов ей помочь. Только вели сперва всех мудрецов да кудесников, всех магов-гадателей да снов толкователей на волю выпустить.

Царь как хлопнет в ладоши, как топнет ногою.

— Кто посмел посадить их в тюрьму? — кричит.— Сию же минуту всех мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей выпустить! И звать их во дворец ко мне ужинать.

Потом повернулся к Даниилу и говорит:

— Рассказывай мне мой сон поскорее. Измучился я ждать.

— Государь! Три дня и три ночи сидел я, закрывшись, со своими товарищами — Мисахом, Седрахом и Авденаго, — ответил ему Даниил. — Не ели, не пили, спать не ложились, всё между собою совет держали и спорили. На третью ночь легли спать и увидели все вместе сон, который тебе приснился. Слушай же, царь, что приснилось тебе. Стоит будто перед тобою истукан, вида страшного, ростом выше неба, и блестит так, что глазам больно. Голова истукана из чистого золота, грудь и руки серебряные, живот из блестящей красной меди, ноги железные, а ступни из обыкновенной мягкой глины, из какой гончар горшки свои лепит...

— Так-так-так, — перебил Даниила царь. — Теперь припоминаю: всё было в точности, как ты рассказываешь. Ну а дальше-то, дальше что было, скажи? Отчего же на меня такой страх напал?

— Расскажу тебе и что дальше было, и отчего на тебя страх напал. Неподалёку от истукана нависла скала. И вот, государь, видишь ты, будто медленно-медленно...

— Не рассказывай дальше! — закричал Навуходоносор и закрыл лицо руками. — Мне страшно.

А потом говорит:

— Ну чего же ты молчишь? Разве ты не видишь, что я весь дрожу от нетерпения?

Даниил спокойно продолжал свой рассказ.

— От нависшей скалы, — сказал он, — стал медленно-медленно откалываться кусок и вдруг обрушился на истукана, прямо на его глиняные ступни. И тут же великан твой, этот колосс на глиняных ногах, подкашивается и весь рассыпается. И ветер уносит его прах, словно пшеничную шелуху, когда хлеб молотят. Ни единой пылинки от истукана не осталось!

— Правда, правда! — закричал царь. — Всё так мне и приснилось, как ты рассказываешь. Но отчего же все три раза я просыпался в холодном поту, отчего каждый волос на моей голове дыбом стоял?

— Сейчас растолкую тебе твой сон, государь, и ты всё поймёшь. Слушай: золотая голова истукана — это ты сам, великий и могущественный царь Навуходоносор. Все тебе подвластны, все покорны: и человек, и зверь, и птица. И царство твоё золотое, богатое. После тебя, после золотого царства, наступит царство серебряное. Это царство поплоше: серебру с золотом не равняться. Но

и оно будет блестящим и прочным. После серебряного царства придёт царство медное — крепкое и неприступное, как медь. А за медным царством наступит смешанное — наполовину железное, наполовину глиняное. До поры до времени будет оно крепким, как железо, а потом сделается хрупким, как глина. Во время этого царства и отколется камень от скалы и сокрушит его, и придёт тогда конец вавилонскому владычеству. Оттого-то, государь, и напал на тебя страх.

Выслушал царь Даниила и опечалился. Потом усмехнулся, встал на ноги и сказал:

— Когда-то ещё вавилонское государство развалится! Зато мой век — золотой!

Тут явились во дворец мудрецы да кудесники, маги-гадатели и снов толкователи. Навуходоносор на радостях простил их, усадил за стол, и пошёл пир горой. Даниила же царь посадил по правую руку. И тут же за столом велел указ писать, чтобы всех четырёх — Даниила, Мисаха, Седраха и Авденаго — сделать большими начальниками. И когда указ написали, он скрепил его царской печатью.

ОГНЕННАЯ ПЕЧЬ

Вавилонские вельможи и без того косились на чужаков: слишком уж скоро они полюбились царю! Новый царский указ был им как нож острый. И теперь они только ждали случая, чтобы навредить Даниилу и его товарищам. Ждали-ждали и дождались.

Много ли времени прошло, мало ли, захотелось царю Навуходоносору возвеличить себя на все времена, чтобы и после его смерти продолжала греметь его слава. Он призвал к себе во дворец искусных мастеров и художников и приказал им вылить статую из чистого золота, высотою — как три высоких кедра, а лицом чтобы на него самого походила — на великого и могущественного Навуходоносора, царя вавилонского.

Мастера и художники выполнили царское приказание и отлили из чистого золота истукана — такого, какого хотел царь: ростом в три высоких кедра, а лицо, как у самого Навуходоносора. Царь велел отвезти его в долину Деире́, неподалёку от Вавилона, и там поставить на холме среди поля.

И летят гонцы во все концы.

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! — кричат они на всех площадях и перекрёстках вавилонского царства. — Великий и могущественный царь Навуходоносор повелевает всем знатным людям страны, всем воеводам, начальникам и судьям, всем вельможам и царедворцам, мудрецам и кудесникам, магам-гадателям и снов толкователям собраться завтра в три часа пополудни в долине Деире, чтобы поклониться золотой статуе великого и могущественного Навуходоносора, царя вавилонского!

Ровно в три часа пополудни в долине Деире собрались все, кого царь пригласил на своё торжество: знатные люди, и учёные, и начальники со всех краёв вавилонской земли.

На пригорке среди поля стоит золотой истукан. Голова его в небо упирается, ступни ног, как мосты через широкую реку. И блестит он весь на солнце так, что посмотришь — и глазам больно. Внизу, у подножия истукана, на своём золотом троне на красной бархатной подушке восседает сам великий и могучий царь вавилонский Навуходоносор. Меньше малой кошки кажется он рядом со своим истуканом!

Царский глашатай вышел на середину поля, трижды протрубил в серебряную трубу и возвестил:

— Люди и народы вавилонского царства, слушайте: при звуках труб, свирелей, арф и гуслей великий и могучий царь Навуходоносор повелевает всем пасть на землю лицом и поклониться золотой статуе великого и могучего Навуходоносора, царя вавилонского! А кто золотому истукану не поклонится, того тотчас бросят в огненную печь...

И глашатай показал рукой на дальний конец поля.

Там, в конце поля, стояла огромная печь. К этой печи лестница приставлена, а наверху в ней сделана дыра — куда людей бросать. Сбоку дверка — смотреть, что в печи делается. А вокруг уже слуги хлопочут, разжигают печь трутом, смолою и паклей, хворост подбрасывают.

Не успел народ на печь подивиться, как вдруг грянула музыка — заиграли музыканты на трубах, на арфах, на свирелях и на гуслях. Все, кто где стоял, повалились наземь. Только трое остались стоять, как стояли, — словно три стройных деревца в пустынном поле.

— Смотрите, Мисах не поклонился золотой статуе Навуходоносора! — зашептали в толпе.

— А вон и Седрах стоит!

—А вон Авденаго!

Царедворцы от радости чуть не дрожат.

— Жаль только, главного с ними нет — Даниила! — шипит один.

— Да где же он?

— Говорят, царь его послал куда-то с важным поручением. Ну, да когда этих уберём, с ним одним будет легче справиться!

Пошептались-пошептались — и к царскому трону ползком: вставать ещё нельзя — музыка играет.

— Вот, — говорят, — полюбуйся, царь, на своих любимчиков! Ты их пригрел, возвеличил, а они что делают? Как музыка заиграла, весь твой народ на землю повалился, твоей статуе золотой поклонился, а эти пленники стоят себе, как столбы, и в ус не дуют. Вели же, государь, бросить их в печь огненную поскорее, чтобы никому не повадно было нарушать царскую волю!

Опечалился царь. Жаль ему было своих умных и честных помощников. Подзывает их к себе и спрашивает:

— Как же так, Мисах, Седрах и Авденаго: или вы позже других пришли на поле Деире и приказа моего не знали, или задумались так крепко, что и музыки не слышали? Ладно, прощу вас для первого раза. Но впредь знайте: как заиграет музыка, как запоют мои арфы, свирели и гусли, в ту же минуту падайте наземь и кланяйтесь моей статуе. А то худо будет: бросят вас в огненную печь, и вы в ней сгорите!

Седрах, Мисах и Авденаго так отвечают царю:

— Нет, великий государь, не задумались мы и указ твой слышали. А не поклонились мы твоему золотому истукану потому, что мы никакому идолу кланяться не желаем — ни золотому, ни серебряному, ни медному. И печью огненной нас не устрашай, государь, — сгорим, а идолам не поклонимся.

Рассердился Навуходоносор.

— Эй, слуги мои верные! — закричал он. — Раскалите вы огненную печь в семь раз сильнее прежнего да побросайте в неё этих умников!

Забегали, засновали слуги вокруг печи, больше прежнего дров в неё накидали. А стража схватила Мисаха, Седраха и Авденаго, связала их по рукам и по ногам, потащила их вверх по лестнице да и бросила в огненную печь.

И взвилось пламя из печи, и пожрало всех, кто стоял поблизости, — и тех, кто огонь разводил, и тех, кто гордых пленников в печь бросил.

Ужас напал на всех. Музыканты побросали свои трубы и гусли.

Царь и тот испугался. Привстал на своём троне под золотым истуканом, шею вытянул и смотрит в сторону огнедышащей страшной печи. Тихо стало в долине Деире, словно вымерли все! Только дрова в печи потрескивают.

И вдруг откуда-то послышалась песня. Сначала тихо, потом всё громче и громче. Вот уже и слова различить можно:

Мы славим высокое небо,
Мы славим небесные тучи,
Мы славим луну и солнце,
Звёзды, дожди и росу!

Народ удивляется: кто поёт, не видно! А над долиной Деире песня так и льётся:

Слава огню и ветру,
Слава зиме и лету,
Слава снегу и граду,
Слава ночи и дню!

Свету и тьме — слава!
Льду и морозу — слава!
Слава седому инею,
Молнии и грозе!

Земле, по которой ходим,
Горам и долинам — слава!
Слава всему растущему —
Деревьям, цветам и траве!

Озёрам, морям и рекам,
Огромным китам океанским
И маленькой юркой плотвице
Мы громкую славу поём!

Голоса звучали где-то совсем уже рядом:

Слава коням быстроногим!
Слава быкам крутторогим!

Слава орлу в поднебесье,
Робкой косуле в лесу!

И вдруг Навуходоносор как закричит:

— Там! Там! Оттуда песня!

И бросился к печи. Потом подозвал начальника стражи и говорит ему:

— Взгляни в печь и скажи мне, что ты видишь?

— Век живи, государь! — ответил начальник стражи. — Когда мы бросили их в огонь, у них руки-ноги были связаны, а теперь они свободно расхаживают по раскалённым углям, словно по полю, усеянному маками. Ходят, руками размахивают и песню поют:

Слава сынам человеческим!
Слава друзьям неразлучным!
Вечная слава бесстрашным —
Они и в огне не сгорят!

— А сколько их там?— спрашивает царь.

— Век живи, государь! — отвечает начальник стражи. — Бросили мы троих, а сейчас с ними кто-то четвёртый, повыше их ростом, и тоже поёт вместе с ними.

И начальник стражи с перепугу захлопнул дверцу и сказал царю:

— Век живи, государь, а только это не простые люди! Если б они были простые, от них давно остался бы один пепел.

— Твоя правда, — сказал царь и велел вылить на печку тысячу вёдер холодной ключевой воды. Потом взобрался по лестнице и крикнул:

— Эй вы, Седрах, Мисах и Авденаго, вылезайте, раз уж вас и огонь не берёт! И кто там четвертый — тоже вылезай!

И вышли все четверо из печи целы и невредимы. Смотрят люди, а четвёртый-то — Даниил!

— Ты как сюда попал? — спрашивает царь.

А Даниил усмехнулся и сказал:

— Разве я брошу товарищей в беде?

Народ обступил их, смотрит, удивляется: одежда на них вся целая, даже дымом не пахнут.

ВТОРОЙ СОН НАВУХОДОНОСОРА

Ночью царь снова проснулся от собственного крика. И снова забегали слуги, засветили десять тысяч светильников во дворце. И скорее посылают гонца, на этот раз уже прямо к Даниилу.

—Выручай меня, друг Даниил! — говорит ему Навуходоносор. — Приснился мне сон пострашнее прежнего. Я даже запомнил его сам. Ты мне только растолкуй, что он значит, что сулит мне в моей жизни.

— Рассказывай свой сон, — говорит Даниил, — а я буду слушать внимательно и что знаю, скажу тебе, государь, без утайки.

— Хорошо. Вот что мне снилось, Даниил. Растёт дерево — большое-пребольшое. Десять человек его руками не обхватят. Верхушка этого дерева всё небо исколола — такое дерево высокое. А ветви его разрослись до самых краёв земли. Лист широкий, глянцевитый, как изумруд, зелёный, плоды сочные и душистые, и так их много, что на всех людей в мире хватит и ещё столько же останется! Дикие звери со всей земли приходят отдыхать в тени этого дерева. Птицы со всего неба вьют гнёзда в его ветвях и дуплах. А дерево греется на солнышке, пошевеливает листьями на ветру, умывается дождём, слушает пение птиц и думает, что всё — и солнце, и ветер, и птицы, и звери лесные — только для него и существует.

Но вдруг раздался громкий голос.

"Срубите дерево! — сказал голос. — Отрубите его ветви! Стряхните листья! Разбросайте плоды! Дикие звери, бегите от этого дерева подальше — оно упадёт и раздавит вас! Не вейте больше гнёзд в его ветвях, птицы, берите своих птенцов и улетайте с ними поскорее!"

И разбежались дикие звери, и улетели птицы с птенцами, и даже мохнатые гусеницы и те уползли. Раздался страшный треск, и огромное дерево повалилось не землю как подкошенное. И остался от него в поле один пень. Тут поднялся вихрь, развеял все листья, раскидал плоды. А голос продолжал ещё громче прежнего:

"Слушай, Навуходоносор, и внимай! Семь полных лет пастись тебе, царь, на зелёных лугах вместе с дикими ослами и буйволами. Будешь траву щипать, как они, обрастёшь шерстью медвежьей, умываться будешь росою утреннею. Семь лет — запомни! СЕМЬ ЛЕТ, СЕМЬ ЛЕТ, СЕМЬ ЛЕТ!"

Страшный голос говорил всё громче и громче, пока я наконец не проснулся и не закричал изо всей мочи: "Семь лет!"

Выслушал Даниил царя и потупился. И, смущённый, стоял перед царём целый час и не проронил ни слова.

Наконец не вытерпел Навуходоносор и сказал Даниилу:

— Говори! Всё говори без утайки, всё, что у тебя на сердце!

— Государь, — сказал тогда Даниил, — лучше бы сон этот приснился твоему врагу, а не тебе. Ведь дерево, которое ты увидел во сне, — это ты сам, великий и могущественный царь Навуходоносор. До самого неба вознёсся ты гордой душой, и власть твоя — до краёв земли. Но за то, что возгордился ты сверх меры, — за это, государь, потеряешь ты облик человеческий, станешь, как дикий зверь, и будешь пастись на зелёных лугах вместе с ослами и буйволами, спать под открытым небом, умываться утренней росой, питаться травой да кореньями. И шерстью клочковатою обрастёшь, как медведь. Но всё проходит, великий государь! Пройдут и семь лет, и снова ты примешь человеческий образ и будешь восседать на своем золотом троне.

Опечалился было царь Навуходоносор, выслушав слова Даниила. Целую неделю он ходил сам не свой, всё оглядывал себя, не растёт ли шерсть на его теле, да косился на траву: неужели я, царь, буду этой дрянью питаться?

Даже знатные вельможи царские пригорюнились.

Но прошла неделя, другая, всё по-прежнему во дворце вавилонском. По-прежнему льстят царю вельможи, по-прежнему трепещут его народы. Так и год миновал. Сон у царя и вовсе из головы долой.

Вот раз идёт он, прохаживается по стене вавилонской и оглядывает свои владения сверху. Кругом дворцы и храмы, один другого краше. Синий Евфрат полноводный шумит под стеной. А от него прямые, как стрелы, расходятся во все стороны узкие каналы. Лёгкие и прочные мосты перекинуты через каналы и реку... Из садов поднимается такое благоухание, что голова кружится, а в уши льются песни райских птиц.

"*Вавилон, Вавилон, золотой Вавилон!*" — поют они на разные голоса.

— А ведь каналы-то я велел рыть, я — великий и могущественный Навуходоносор! Я! Я! Я! — закричал царь со стены. — Это мои рабы и слуги все сады насадили, все мосты намостили, все дворцы и все храмы построили! Вот и двенадцать золотых львов со ступеней дворца Соломона сторожат вход в мой дворец! Мой! Мой! Все народы поклоняются мне, мне, мне — великому и могущественному Навуходоносору, царю вавилонскому!

Сказал, и вдруг ни каналов, ни дворцов, ни диковинных деревьев — ничего нет. Одна трава кругом, да над головою синее небо. Справа — стадо диких ослов, слева — буйволы. А у самого Навуходоносора, у великого и могущественного царя вавилонского, шерсть торчит клочьями, как у медведя, на ногах и на руках — когти звериные, и идёт он на четвереньках, травку пощипывает. Вспомнил тут Навуходоносор свой давнишний сон. "Это всё Даниил мне напророчил, проклятый пленник! — подумал он в ярости и хотел приказать: — Отрубить ему голову немедленно!"

Но вместо этого по всему лугу раздалось:

—И-го-го-о! И-го-го-о!

Буйволы подняли головы и посмотрели в его сторону, а дикие ослы подбежали к новому товарищу и приняли его в своё стадо.

— И-го-го-о! И-го-го-о! И-го-го-о!

Так прожил целых семь лет Навуходоносор среди диких зверей, сам зверь зверем.

А в один прекрасный день Навуходоносор вдруг снова очутился на своём троне. Хотел сказать: "И-го-го!", а получилось:

—Эй, слуги, уложите меня спать!

И стал он царствовать в Вавилоне по-прежнему. Разве что меньше хвастал теперь! Даниила же полюбил крепче прежнего.

ДАНИИЛ ВО РВУ СО ЛЬВАМИ

Царь души не чает в Данииле. Без его совета шагу не ступит. И вот он задумал сделать Даниила самым первым человеком у себя в государстве. Мисаха, Седраха и Авденаго — поставить начальниками над всеми начальниками, а над Мисахом, Седрахом и Авденаго — поставить Даниила.

Вельможи перепугались до смерти. Все они жили обманом и неправдою, запускали лапу в царскую казну, с народа семь шкур сдирали. А с новым начальством, которое само не ворует, и не врёт, и взяток не берёт, решили они, придёт

их сладкой жизни конец. Нет, нужно во что бы то ни стало извести царских любимчиков, и на этот раз так, чтобы не было им спасения!

Подсылали было к Даниилу с подарками, чтобы потом сказать царю: вот, твой Даниил, думаешь, лучше других? Берёт подарки, как и все. Очернят Даниила в царских глазах, тогда и дружкам его — Седраху, Мисаху и Авденаго — тоже конец. Да вот беда — не берет Даниил подарков. Говорит приносящему: "Мне это ни к чему".

Тогда придумали другое.

Пошли к царю и говорят:

— Век живи, государь! Есть ли кто выше тебя в государстве?

— Нет, — сказал царь, — выше меня в государстве нет никого.

— Кому же, государь, должны мы, твои рабы, кланяться?

Царь сказал:

— Мне мои рабы должны кланяться.

— Век живи, государь! — сказали ему тогда вельможи. — А если какой человек поклонится не тебе, а другому, значит, тот человек — изменник?

— Изменник, — ответил царь.

— Век живи, государь! А что, если такой изменник в твоём государстве отыщется? Как с ним надлежит поступить?

— Изменник?! У меня в государстве?! — вскричал тут царь. И как вскочит, как затрясётся весь, как застучит царским жезлом об пол. — Да кто посмеет?.. В ров его, в яму ко львам, немедленно!

Страшен царский гнев! Все вельможи попадали наземь. Потом самый старший из них подполз к ногам государевым, поднял голову и говорит ему:

— Век живи, государь! Вот и мы так думали. И, зная твою справедливость, уже указ такой приготовили. Прочитай его, государь, и, если тебе угодно, скрепи его своею царской печатью. — И старший вельможа протянул государю свиток.

Царь развернул свиток и прочитал:

"УКАЗ И ПОВЕЛЕНИЕ

великого и могущественного царя вавилонского — всему народу.

С нынешнего дня и в течение тридцати дней приказываю: если кто из вавилонских жителей вздумает поклониться кому-нибудь, кроме царя, вашего единственного государя, того немедленно бросить в ров ко львам!"

И царь приложил свою царскую печать к свитку.

Вельможи и царедворцы поднялись на ноги, подхватили указ, крикнули хором: — Век живи, государь! — и побежали прочь из дворца.

Они дали царю подписать такой указ неспроста. Был обычай у Даниила, и царедворцы с вельможами знали о нём: утром, днём и вечером — три раза в день подходить к окну своей комнаты и кланяться трижды на восток.

Вот они подстерегли Даниила у окошка — и к царю.

— Век живи, государь, — объявляют, — а мы тебе твоего любимца привели. Спроси его, кому он только что кланялся?

— Ты кому кланялся? — спрашивает царь Даниила.

— Я своей милой родине кланялся, государь! — отвечает Даниил.

— Так ты, верно, указа моего ещё не читал? — сказал царь.

— Читал я твой указ, государь, и рад бы исполнить твою волю, — ответил Даниил. — Да что делать, если и царский указ не в силах заставить меня забыть свою родину?

Тяжко вздохнул Навуходоносор: жаль ему было прямодушного Даниила. А вельможи чуть не танцуют от радости. Ухмыляются, руки потирают.

— Царское слово — закон! — кричат. — Никто, даже сам царь, отменить его не может.

Вот потащили Даниила ко рву со львами. Ров глубокий и узкий. Взад-вперёд по нему ходят лев и две львицы. Походят-походят — и остановятся. Закинут назад голову, раскроют красную пасть клыкастую и так зарычат, что все башни в Вавилоне начинают качаться — того и гляди, упадут!

Бросили Даниила в яму ко львам, яму прикрыли широким камнем, а камень ещё печатями запечатали — для верности.

Грустный и понурый побрёл царь во дворец. Отпустил всех певцов, музыкантов и рассказчиков и лёг спать без ужина. Но и спать ему не спалось — так до утра и проворочался, ни разу глаз не сомкнул. Всё мерещился ему Даниил да львиные пасти клыкастые.

Утром, чуть свет, побежал царь ко рву оплакивать своего любимого советника.

— Даниил, Даниил! — кричит царь, а сам слезами заливается.

И вдруг из ямы — или это почудилось? — будто кто-то ответил:

— Здравствуй, государь!

— Ты кто? — спросил испуганный царь.

— Я Даниил, — послышалось из ямы.

Царь скорее созывает людей, велит печати ломать да камень отваливать. Отвалили и смотрят: львицы лежат рядком, а между ними Даниил примостился: голову положил на лапу к одной, другую по спине похлопывает. А лев ходит взад-вперёд, хвостом машет.

Царь от радости чуть сам в яму ко львам не угодил.

— Живой, живой! — кричит. — Даже дикие звери не трогают Даниила!

Вельможи с царедворцами стоят вокруг ямы и дрожмя дрожат, потому что в Вавилоне был хороший закон: того, кто на другого напраслину возвёл, казнить тою же казнью, какою по его наговору казнили невиновного. И выходило по этому закону, что их должны были тотчас же бросить в яму ко львам. Стали царедворцы с вельможами перешёптываться да советоваться: как беде помочь? А потом и говорят царю:

— Век живи, государь! Твой Даниил жив остался оттого, что львы совсем не голодные: их, видно, накормили заранее.

— Эй, слуги! — закричал тогда царь и хлопнул в ладоши. — Накормите моих львов досыта!

И слуги притащили трёх баранов и трёх жирных быков и бросили их львам.

Львы жадно накинулись на добычу.

— А теперь, — сказал царь, когда львы насытились, — кидайте в яму злодеев, которые оговорили Даниила.

Стража схватила вельмож и царедворцев — сто шестьдесят восемь человек — и бросила их в яму. Львы подхватили их и тотчас растерзали всех до единого. А ведь были сыты!

И царь поставил Даниила и его товарищей — Седраха, Мисаха и Авденаго — старшими над всеми начальниками государства.

ВАЛТАСАРОВ ПИР

Долго жил Навуходоносор на свете, но вот наконец и за ним смерть пришла. После Навуходоносора стал царствовать его наследник Валтасар.

Грозный Навуходоносор хотел оставить по себе славу великую, строил дворцы и башни, сажал сады, воевал с другими народами. А Валтасару ничего этого не надо: день прожил, и ладно.

Но был Валтасар такой же злодей, как и Навуходоносор: мучил народ тяжёлой работой и казнил непокорных жестокими казнями.

Задумал раз Валтасар устроить пир у себя во дворце. А в ту пору собрался царь персидский идти войной на Вавилон. Валтасару говорят:

— Помилуй, государь, к нам враг войной идёт, а ты пиры затеваешь.

А царь отвечает:

— Что ж, что война? На то у меня и воины, чтобы от врага отбиваться. На то и стены неприступные, каменные, чтобы враг об них поломал свои копья.

Позвал к себе во дворец тысячу гостей именитых, и пошёл у них пир горою. Вокруг столов разместились нарядные гости — кто в красном, кто в зелёном, кто в синем. На головах у всех повязки пёстрые, на ногах золотые сандалии.

А сам царь Валтасар на шёлковых подушках развалился. Его царская одежда вся, как радуга, переливается, на груди большой алмаз сверкает.

Бесшумно снуют царские слуги, кушанья диковинные разносят, душистые вина разливают. И светло во дворце, как днём: тысячи светильников горят. Музыка гремит. Гости поют, смеются, славят царя Валтасара.

И вдруг все светильники разом погасли, словно их ветром задуло. Стало темно. Только где-то наверху, у стены, появилось слабое мерцание. С каждой минутой оно разгоралось всё больше и больше, и все увидели огромную руку, окружённую ярким сиянием. Огромный палец водит по стене и пишет, пишет, а что — неизвестно.

Стало тихо во дворце. Оборвался смех. Умолкла музыка. Валтасар приподнялся на подушках и смотрит на стену, дрожит, сам белый, как стена.

Но вот рука исчезла, и все увидели на стене огненные письмена. Царь силится прочесть — не может. Снова зажгли светильники, но огненные письмена горели ярче светильников.

А прочитать их всё равно никто не может.

И призвали тогда во дворец мудрецов и кудесников, магов-гадателей и снов толкователей и так им сказали:

— Кто разгадает волшебные письмена, тому царь со своего плеча одежду разноцветную пожалует, а также цепь золотую нагрудную и алмаз, что горит, как солнце. А не разгадаете — тогда всем вам худо будет. Каждого казнят лютой казнью и у каждого сожгут его дом.

Смотрят мудрецы и кудесники, маги-гадатели и снов толкователи, смотрят на стену, морщат высокие лбы, шевелят губами, бородами трясут, а понять ничего не понимают.

Наконец говорят царю:

— Век живи, государь, а мы таких слов не знаем!

— Прочь отсюда! — закричал на них царь, а сам побледнел больше прежнего. Чует его сердце, что не к добру непонятная надпись. Если и учёные разобрать её не могут, значит, дело совсем плохо.

Тут кто-то из гостей сказал царю:

— Государь, разве ты забыл, что у тебя в твоём царстве живёт великий мудрец Даниил? С ним ещё и царь Навуходоносор советовался.

— Позвать сюда поскорее Даниила! — закричал Валтасар.

Привели Даниила во дворец, и царь его спрашивает:

— Это тебя зовут Даниилом?

Даниил поклонился царю, разгладил бороду и сказал:

— Я Даниил.

— Слышал я, тебе все тайны доступны, раб мой Даниил, — говорит тогда царь. — Взгляни же на эту надпись и скажи мне, что она означает. Прочитаешь — я тебе царскую одежду разноцветную пожалую и к ней цепь золотую нагрудную. И сделаю тебя первым человеком в моём государстве. Но если и ты не разберёшь огненные слова, я велю тебя казнить лютой казнью, а дом твой огнём пожечь.

Улыбнулся Даниил и сказал:

— Не пугай меня лютой казнью, государь. Мне ли смерти бояться? И подарков твоих мне не надо. А надпись я тебе и так прочитаю, изволь!

И Даниил подошёл к стене, взглянул на письмена и сказал:

— Мэнэ, мэнэ, тэкэл, фарэс — вот что начертала тебе волшебная рука. Ты, Валтасар, наследник Навуходоносора, такой же гордый и неразумный, как он. Хвастаешь своим богатством и властью, о нуждах своего народа не заботишься, чужой народ в неволе держишь. Пьёшь, ешь и веселишься. А того, что у тебя под стенами делается, знать не хочешь.

— Эй, не хитри со мной, раб! Если не понимаешь, что здесь написано, так и скажи! — вскричал Валтасар. — А без твоих поучений я как-нибудь обойдусь!

Усмехнулся Даниил и сказал:

— Хорошо, государь, слушай же! МЭНЭ, МЭНЭ — это значит, считали мы твои дни, государь, считали и сосчитали, конец им пришёл. ТЭКЭЛ — взвесили мы тебя на весах, государь, и оказалось, лёгок ты и мысли твои легковесны. А ФАРЭС — конец вавилонскому владычеству, государь.

Не успел Даниил кончить, как вдруг двери дворца распахнулись, и народ толпою вломился к царю.

— Горе! Горе! — кричала толпа. — Беда, государь!

— Враг в Вавилоне! Персы ворвались в город!

Посмотрел Валтасар и увидел: перед самым дворцом отряд персидских воинов налетел на его стражников и рубит их своими острыми мечами.

Добрались и до царя Валтасара и закололи его.

Так кончилось вавилонское владычество.

Персидский царь Кир стал править Вавилоном. Он полюбил Даниила и сделал его своим советником и другом.

ДАНИИЛ И ПРОЖОРЛИВЫЙ ИДОЛ

На главной площади Вавилона стояла высокая семиэтажная башня. Это был храм вавилонского бога Ваала.

Внизу, на первом этаже, готовилась Ваалу еда. А наверху, на седьмом этаже, на кипарисовом троне, за золотым столом, восседал вавилонский бог. Он сиял, как луна в полнолуние, а глаза его были тёмные, как безлунная ночь. Сидит бог — не шелохнётся, огромный рот открыт — не закрывается: корми такого бога, не корми — никогда не насытится!

Бога этого кормил народ. Каждый день к башне Ваала пригоняли сорок жирных баранов и подвозили на телегах двенадцать мешков отборной муки и шесть кувшинов лучшего виноградного вина. Семьдесят жрецов состояло при храме, они следили за тем, чтобы дань Ваалу не прекращалась.

Вавилоняне низко кланялись, когда шли по городской площади мимо семиэтажного храма. Даже сам Кир, новый царь Вавилона, и тот наклонял голову, проходя мимо башни. Один Даниил не гнул перед нею свою гордую спину.

Кир заметил это и спросил Даниила:

— Почему ты не кланяешься этому священному храму? Ведь здесь, в Вавилоне, Ваал считается самым главным богом!

— Какой же это бог, государь? — отвечал ему Даниил. — Это истукан, сделанный человеческими руками. Сперва его вылепили из глины, потом покрыли медью, а медь ещё сверху позолотили, чтобы на солнце блестела.

Но Кир сказал:

— Как же не бог, когда он ест и пьёт столько, сколько ни один человек, даже царь, за сутки не съест и не выпьет! Нет, Ваал — великий бог, недаром семьдесят жрецов состоят у него в услужении.

— Государь, умён ты, умён, а позволяешь себя обманывать. Ведь золочёная кукла ни куска не съедает из того, что приносят ей в жертву.

Тут уж Кир рассердился не на шутку.

— Позвать ко мне жрецов божественного Ваала!

Выстроились перед царём жрецы, все семьдесят человек, в ряд, а царь спрашивает у них грозным голосом:

— Кто выпивает вино? Кто съедает хлеб и баранов, которые приносятся в жертву бессмертному Ваалу?

— Век живи, государь! — отвечают все семьдесят хором. — Сам великий Ваал и съедает всё, что ему приносят, и сам выпивает всё вино.

— Так ли? — спрашивает царь. — А я слышал, что вы всё это съедаете сами. Горе вам, если это окажется правдой!

— Век живи, государь! — отвечают жрецы. — Мы докажем тебе, что Ваал всё съедает сам. Но и ты, государь, обещай: когда ты увидишь, что мы невиновны,

вели казнить Даниила за то, что хотел нашего бога унизить, а нас опорочить в твоих светлых очах, государь!

Царь согласился.

И все вместе — Кир, Даниил и семьдесят жрецов — направились к башне Ваала.

За ними ехали повозки, гружённые вином и мукою, а за повозками шло стадо в сорок жирных баранов — ежедневная жертва Ваалу.

У входа в башню жрецы остановились и сказали:

— Век живи, государь! Дальше мы с тобой не пойдём. Вели своим слугам приготовить для Ваала пищу и налить вино в его священные чаши. На ночь запечатай дверь в башню своею царской печатью, а утром приходи. Если еда не будет за ночь съедена, а вино выпито, казни нас какою хочешь лютой казнью.Но если, государь, ты придёшь сюда утром и окажется, что твоя царская печать не тронута, а еда вся съедена и вино всё выпито, — воля твоя, государь, не давай Даниилу пощады!

Сказали и спокойно разошлись по домам. Да и чего им было бояться! Ведь к башне вёл потайной ход, подземный. Каждую ночь через этот ход вместе с жёнами и детьми поднимались они в башню и пировали там до рассвета, восхваляя доброту и щедрость своего гостеприимного бога.

Но Даниил придумал, как их всех перехитрить. Когда царские слуги изжарили баранов, испекли хлеба, разлили вино по священным чашам, а сам царь поставил пищу перед Ваалом, Даниил велел своим слугам тайно посыпать пол тонким слоем золы.

Ночью, как обычно, пришли в башню со своими жёнами и детьми жрецы и сели пировать. Всё съели до крошки и вино вылакали до последней капли.

Утром, чуть свет, проснулся Кир и велит будить Даниила. Идут к башне.

— Скажи мне, Даниил, у тебя ведь глаза, как у рыси: цела моя печать или нет?

— Цела, государь, — отвечает Даниил. — Цела твоя печать.

Подошли к храму, открывают дверь, смотрят: еды никакой не осталось, чаши священные все вверх дном перевёрнуты и там и сям по полу валяются бараньи кости.

Кир тут же бросился наземь и закричал:

— Слава великому Ваалу! Нет в тебе обмана!

Но Даниил засмеялся, помог царю встать на ноги и тихонько придержал его рукой.

— Погоди, государь, — сказал он, — не переступай порога, а взгляни сначала на пол и скажи, что ты видишь.

Царь взглянул и воскликнул в изумлении:

— Я вижу в золе отпечатки мужских сандалий и женских, а также множество маленьких босых ног!

Понял Кир, что всё это время жрецы обманывали его и народ и сами со своими жёнами и детьми поедали ежедневную жертву Ваалу — сорок баранов и хлеб — и запивали всё это сладким виноградным вином.

ПРОЩАЙ, ВАВИЛОН!

На другой день царь вызвал Даниила к себе во дворец и сказал ему:

— Ты прав, Даниил, жрецы оказались обманщиками. За это ты можешь выбрать для них какую хочешь казнь.

Даниил опустил голову и крепко задумался. Целый час простоял он в молчании перед царским троном.

— Что же, — сказал наконец Кир в нетерпении, — или ты никак не придумаешь для своих врагов достаточно лютой казни?

Даниил встрепенулся и сказал:

— Нет, государь! Не мне они враги, а тебе — тебе и твоему народу. Мне их кровь не нужна. Довольно того, что их обман раскрылся и обманщики посрамлены. Но не о них, государь, я думал, стоя целый час перед тобою!

— О чём ты думал, Даниил? Скажи, что у тебя на сердце, и я исполню всё, что ты пожелаешь.

— Государь! — сказал Даниил. — Дни мои клонятся к закату. Почти всю свою долгую жизнь я прожил здесь, в Вавилоне. Здесь вырос, обучился наукам, здесь узнал радость и горе, царский гнев и царскую милость. Но не было ни одного года, государь, ни одного месяца, дня и часа, когда бы я не думал о своей милой родине и о моём бедном народе. Вот уже семьдесят лет томится он здесь в неволе. Не гневайся, государь! Но раз ты спросил меня, чего я хочу, я тебе отвечаю: свободы! Воли для своего народа, чтобы он мог вернуться к себе на родину, отстроить свои города заново, засеять свои пашни!

Пришёл черёд задуматься Киру. Наконец он тряхнул головой и сказал:

— Царское слово крепко!

И по всем городам и сёлам вавилонского государства на верблюдах, на ослах, на конях быстроногих полетела радостная весть:

вавилонские пленники свободны
и могут отправляться домой!

— Домой! Домой! Свобода! — закричали бывшие пленники.

Хромые забыли о своей хромоте и запрыгали от радости. Слепые стали видеть. Больные поднялись с постелей. И даже глухие услышали волшебное слово: "Свобода!"

Музыканты сняли свои гусли и арфы с прибрежных деревьев, ударили по струнам и запели.

Семьдесят лет они были в плену, но не забыли песен своей родины.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ИОНА

ИЛ-БЫЛ в древние времена человек по имени Иона. Был он добрый и хороший, все его любили. Сам великий Ягве отличил Иону из множества людей и сказал ему:

— Ты человек добрый, хороший, все тебя любят, и за это окажу я тебе милость — сделаю тебя предсказателем. Поди сейчас же в город Ниневию и скажи его жителям, что очень скоро с ними случится большая беда: я уничтожу их всех до единого — и мужчин, и женщин, и малых детей.

— Даже малых детей! За что же? Чем провинились перед тобой жители этого города?

— Все они стали горды и злы: не слушаются меня, не повинуются мне. Особенно возгордился их царь. За это я решил разрушить Ниневию, а всех её жителей погубить.

— Ниневия — великий город, — ответил Иона, — а многие его жители ещё настолько малы, что не могут отличить правую руку от левой. Неужели ты и малых детей не пожалеешь?

— Как я сказал, так и будет, — разгневался Ягве. — А твоё дело пойти в Ниневию и предсказать её жителям, что все они скоро погибнут.

— Но они не поверят мне! — воскликнул Иона. —Они не поверят, что ты такой жестокий и безжалостный. Я сам не могу этому поверить.

— Не тревожься, — сказал Ягве. — Поверят тебе или не поверят, но пройдёт сорок дней, и твоё предсказание сбудется. И ты прославишься как великий пророк.

И пошёл Иона в Ниневию. Поднялся он на высокий холм и увидел перед собой большой красивый город. Долгие годы строили его люди и украшали, а через сорок дней исчезнет Ниневия, словно её и не было.

Подул ветерок. И донеслись до Ионы запахи цветов, дыма печей и свежего хлеба. Различил он стук молотков в мастерских, и мычание скота в хлевах, и шум толпы на базаре, и смех детей на плоских крышах.

И подумал Иона: "Если жители Ниневии не поверят моему предсказанию, то Ягве ещё больше рассердится и, конечно, погубит город. Так уж лучше мне туда не ходить. Может, Ягве передумает или забудет?"

И вместо того чтобы спуститься в город, Иона повернул в другую сторону. Шёл он, шёл и вышел на берег моря. Там стоял корабль. Уплатил Иона деньги за провоз, поднялся на корабль и поплыл по морским волнам в дальние страны.

Но Ягве ничего не забыл и обрушил на корабль страшную бурю. Забились, заревели волны, вот-вот разобьют они судёнышко. Измучились гребцы, а буря не утихает.

Стали они бросать в море всякую кладь, чтобы облегчить корабль. А Иона спустился в трюм и крепко уснул. Он и не догадывался, что вся эта буря разыгралась из-за него.

И сказали корабельщики:

— Не простая это буря. Видно, плывёт с нами такой ужасный злодей, что даже море вскипело от гнева и не успокоится, пока не проглотит его.

И бросили жребий, чтобы узнать, кто виноват в их несчастье. Оказалось, Иона. Пришли к Ионе корабельщики, разбудили его и говорят:

— Что ты натворил, если из-за тебя случилась с нами такая беда?

Тут и признался Иона, что убегает он от Ягве, потому что не хочет предсказывать людям беду. Испугались корабельщики и спросили Иону:

— Что с тобой сделать, чтобы море утихло и мы остались живы?

И ответил им Иона:

— Возьмите и бросьте меня в море. И буря утихнет.

Ничего не ответили корабельщики, только крепче налегли на вёсла. Но не в силах были они бороться с волнами. Всё темней становилось небо, всё выше вздымались чёрные валы с белыми гребнями.

— Что ж вы медлите? — закричал Иона. — Скорее бросайте меня в море! Пусть погибну один я, а вы останетесь живы.

— Прости нас, добрый человек! — сказали корабельщики и бросили Иону в море.

И буря стала утихать.

Пошёл Иона ко дну. Сомкнулись над ним волны. Обвили его голову морские травы.

Но вдруг подхватило его подводное течение и понесло в темноту. А потом схлынули волны, и остался Иона в пещере, куда не проникает даже крохотный луч света.

Протянул Иона руки, как слепой, и дотронулся до стенки. Стенка была мягкая, тёплая, словно живая. Прислушался Иона, и донеслись до него из глубины мерные удары: бум-бум-бум! И понял Иона, что проглотил его необыкновенный кит и что во мраке стучит китово сердце.

Три дня и три ночи провёл Иона в брюхе у кита, а на четвёртый день стал он молить Ягве:

— Из чёрной пучины, из глубины и темноты зову тебя. Все волны морские ходят надо мной, морские травы обвили мою голову, и тьма окружила меня! Отпусти меня на белый свет. Я сделаю всё, что ты приказывал мне.

И тут хлынули волны в пасть кита, подняли они Иону, двинулись обратно и выбросили его на берег.

Просушил Иона свои одежды и пошёл куда глаза глядят. Шёл он, шёл и вышел к большому незнакомому городу. И спросил у прохожего:

— Что это за город?

И ответил прохожий:

— Ниневия.

А Иона пришёл в город с другой стороны и не узнал его.

Страшно стало Ионе. Понял он, что это Ягве привёл его сюда. И стал Иона считать, сколько дней из сорока прошло и сколько осталось жить Ниневии. И получилось, что остаётся всего-навсего три дня.

Поспешил Иона в Ниневию! Три дня, выбиваясь из сил, ходил он по городу из конца в конец, стучался в дома и кричал:

— Горе вам, жители Ниневии! Разгневался на вас великий Ягве. Погубит он вас и город ваш превратит в развалины!

А на четвёртый день вышел Иона из города, сел на высоком холме и стал ждать, что будет с Ниневией.

Подул ветерок, но не донеслось до Ионы ни запаха цветов, потому что никто их теперь не поливал, и они завяли, ни дыма печей, потому что никто не готовил себе пищу, ни детского смеха, потому что даже дети поверили страшному предсказанию Ионы. Слышались только стоны людей, мольбы о пощаде да рёв некормленного скота.

И подумал Иона: "Выходит, я великий предсказатель. Все до единого поверили моим словам, бросили свои дела, разодрали на себе одежды в знак горя и посыпали головы пеплом. Даже царь Ниневии сошел с золотого престола, переоделся в лохмотья и сидит на куче пепла, как нищий".

И с ужасом ждал Иона, что сейчас сбудется его предсказание.

Так сидел он на холме и смотрел на город. Солнце пекло ему голову, жажда сушила рот, но Иона не двигался с места.

И вдруг вырос рядом с ним зеленый росток и сразу же превратился в стебель, стебель превратился в куст, куст прямо на глазах у Ионы стал деревом.

Поднялось дерево над Ионой и укрыло его своей тенью. Но червь подточил дерево, и оно засохло. Увидел это Иона и горько заплакал.

И тут услышал он голос Ягве:

— Неужели тебе жалко дерева?

— Очень жалко, — ответил Иона. — Так жалко, что мне и свет не мил.

— Ты пожалел дерево, которое выросло у тебя на глазах и сразу засохло, — сказал Ягве. — Всего только дерево, хоть ты его и не сажал. Как же ты мог подумать, что я разрушу Ниневию, жители которой раскаялись в своих злодеяниях? Ведь Ниневия — великий город, а многие его жители ещё настолько малы, что не могут отличить левую руку от правой.

Обрадовался Иона и пошёл прочь.

Оглянулся, посмотрел в последний раз на спасённый им город, и ветер донёс до него запахи цветов, и дыма печей, и свежего хлеба. Различил Иона и стук молотков в мастерских, и мычание скота в хлевах, и шум толпы на базаре, и смех детей на плоских крышах.

БЛУДНЫЙ СЫН

БЫЛО у человека два сына. Старший — спокойный да хозяйственный, работает в поле, отцу помогает. А младшему всё не сидится дома, хочется дальние страны посмотреть. И говорит он отцу:

— Вы тут с братом хозяйничайте, а мне дайте мою долю наследства. Я пойду путешествовать.

Отец уговаривает его:

— Ну куда ж ты пойдёшь? Ты молод ещё, людей не знаешь, никакому делу не обучен. Пропадёшь!

А сын не отступается: "Пусти да пусти".

Отец видит — делать нечего, выделил младшему сыну его долю и отпустил.

У младшего сына сборы недолгие: купил себе вороного коня, седло, рубаху шёлковую и шапку новую, богатую, расшитую золотом. Оставшиеся деньги завязал в платок, платок положил за пазуху, сел на коня и поехал.

Долго ли ехал он, скоро ли, а занесло его на чужую сторону, в большой город. Дома каменные, высокие, народу много, все спешат. Весело!

Навстречу ему идёт прохожий. Он его и спрашивает:

— Скажи, добрый человек, где тут можно ночлег найти?

А прохожий — ему:

— Много ли у тебя денег?

Тот вынул из-за пазухи платок, развернул его и показывает прохожему:

— Вот сколько, гляди!

У прохожего глаза разгорелись.

— Да ты, оказывается, богач! Я тут знаю один дом. Это самый хороший постоялый двор в городе. Туда и пойдём.

Пришли на постоялый двор. Младший сын спросил себе лучшую комнату, а коня велел накормить отборным овсом. А на дворе уже народ толпится. Прослышали, что богач к ним в город пожаловал, и хотят на него посмотреть. Видят, что молод и прост, и говорят ему:

— У нас, брат, здесь такой обычай, чтобы самый богатый всех поил-кормил.

А ему и лестно, что его за самого богатого считают.

— Что ж, — говорит, — это хороший обычай. У нас дома тоже всегда много народу за стол садится.

И всех приглашает к обеду.

Все пируют, веселятся, хвалят своего нового друга: он и краше всех, и умнее всех, и поёт лучше всех, и пляшет! А тот уши развесил и рад. Каждому слову верит.

И пошла у него с той поры развесёлая жизнь. Что ни день — пир горою. Днём пьянствует, ночью в кости играет на деньги. А сам думает: "Глупый я, глупый: сидел до сих пор дома и не знал даже, что на свете бывают такие славные да весёлые люди!"

Но вот в один прекрасный день сунул младший сын руку за пазуху, вынул платок, развернул его, а в платке ничего нет. Всё потратил. "Ну ничего, — думает. — Зато у меня много друзей. То я их кормил, а теперь они меня кормить будут".

А дружки-товарищи, как увидели, что с него больше взять нечего, так все и разбежались. Словно их никогда и не было.

Младший сын погоревал-погоревал и пошёл шапку свою продавать. На те деньги хозяин постоялого двора три дня его кормил. На четвёртый говорит:

— Давай ещё денег. У нас даром не кормят.

Младший сын говорит:

— Денег у меня нет. На, возьми моё седло.

Хозяин седло взял и за это кормил его ещё три дня. Потом младший сын отдал хозяину рубаху шёлковую, кушак, уздечку. Всё, что мог, отдал, и наконец уже ничего не осталось.

Хозяин говорит:

— Давай коня. Всё равно тебе его не прокормить — одна обуза. Да и без седла куда поедешь? Продашь коня — так и быть, живи у меня ещё месяц.

Пошёл младший сын в конюшню с конём прощаться. Поцеловал его между ушами и заплакал. Вот когда припомнился ему родной дом! "Как-то там, — думает, — отец? Как брат? Здоровы ли? Вспоминают ли когда? И зачем только я от них ушёл?"

А возвращаться стыдно.

И побрёл младший сын без шапки, босой, искать себе заработка. Толкнулся в один дом, спрашивает:

— Нужен вам работник?

— Нужен, — отвечают. — Шить умеешь?

— Нет, не умею.

— Тогда не нужен.

Пошёл в другой.

— Работник требуется?

— Очень даже требуется, — говорят. — Семья у нас большая, а стряпать некому. Будешь у нас за повара.

А он говорит:

— А я стряпать не умею.

— Тогда прощай!

В третьи ворота стучится. Там дом строят, рук не хватает. Обрадовались ему, говорят:

— Иди к нам плотничать!

А он никогда и топора в руках не держал.

И всюду его спрашивали, что он умеет делать. А он ничего не умеет.

Наконец пришёл к одному человеку, тот ему и говорит:

— Ну что ж, если ты ничего не умеешь, придётся тебе свиней пасти.

И младший сын остался у этого человека свинопасом.

Приключился в той стране неурожай, и наступил голод. Хозяин говорит:

— Мы тебя кормить больше не можем. Сами еле перебиваемся. А жить — живи у нас, если хочешь.

Остался у хозяина — куда он пойдёт? И подъедал за свиньями отруби в корыте.

Горько стало ему! И всё чаще дом родной вспоминается. "Там, у отца, — думает, — последний работник ест вволю, а я здесь должен с голоду пропадать! Пойду-ка я лучше к нему, повинюсь. "Простить ты меня не простишь, — скажу ему, — но возьми меня к себе в работники. Я хоть сыт буду, и около тебя".

Подумал так и стал к родной стороне пробираться. Оттуда-то он как ветер мчался — на коне! А обратно ползёт еле-еле: сил мало, изголодался весь, иззяб. Посчастливится — орешков соберёт в лесу или ягод. А то у добрых людей хлеба попросит.

Так и дошёл до родных мест. И чем ближе к дому, тем ему страшнее. Как-то встретит его отец? А вдруг с глаз долой прогонит и не захочет даже выслушать? Задумался он об этом, смотрит — а вдали родной дом. Ближе, ближе подходит к дому, а там какой-то старик на пороге. Старик этот — его отец. Он сразу признал своего сына и кинулся ему навстречу.

Сын упал перед ним на колени и заплакал:

— Отец! Отец! Зачем я не послушался тебя? Зачем бросил дом родной и ушёл на чужбину? Деньги твои я всё промотал, а потом скитался и маялся. Простить ты меня не можешь, я знаю, но возьми меня к себе хоть в работники.

Но отец поднял его с колен и поцеловал.

— Разве ты забыл, что я твой отец, а ты мой сын? Как могу я тебя не простить? Да, ты виноват, но ты воротился, раскаялся. Идём же в дом скорее и забудем все горести!

И громким голосом крикнул работникам:

— Сын мой вернулся! Несите самые лучшие одежды! А к ужину зажарьте самого лучшего телёнка!

И созвал полный дом гостей, и стали они пировать.

А старший сын идёт с поля и слышит громкие голоса, смех, песни. Подзывает работника и спрашивает:

— По какому случаю в доме моего отца пирование?

Работник ему говорит:

— Вернулся твой младший брат, и хозяин велел в его честь зажарить самого лучшего телёнка.

Обидно показалось старшему, что так встречают его брата. "Что же это такое? — думает. — Я всю жизнь при отце, пасу его стада, поля его возделываю, старость его утешаю. А брат мой гулял по свету да деньги отцовские тратил. В его честь пир устраивают, гостей созвали, а про меня отец и не вспомнит! Не пойду к ним!"

Но тут отец сам к нему вышел, взял его за руку и сказал:

— Идём же скорее! Ты видишь, какая у нас радость! Твой брат пропадал и нашёлся. Ведь мы думали: он умер, а он здесь, живой!

И старший брат вошёл в дом, увидел младшего и не узнал его: такой он стал худой да бледный.

— Видно, хлебнул ты горя, — сказал он, обнял брата и сел с ним рядом.

СОДЕРЖАНИЕ

В 12 Вавилонская башня и другие древние легенды: /Для мл. шк. возраста/ Под общ. ред. К.Чуковского, — Т.:Камалак, 1991. —96 с..

ББК 86.37

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ
и другие древние легенды

Под общей редакцией Корнея Чуковского

Редактор Ю. Розвадовский
Редактор-оператор Т. Шамшаров
Художник А. Сухарев
Худ. редактор М. Адылов
Тех. редактор Ж. Надирова
Корректор З. Наджатова

ИБ № 3045

Сдано в набор 22.05.91 г. Подписано в печать 21.06.91г. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура "Журнально-рубленная". Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 15,8. Усл. кр.-отт. 50,0. Тираж 300000 (I завод 000001 — 100000). Договор 54-91. Заказ 5869. Цена 4 руб.

Издательско-полиграфическое объединение ЦК ЛКСМ Узбекистана "КАМАЛАК".
700113, Ташкент, м. Чиланзар, 8 квартал, ул. Катартал, 60.

Набор текста и оригинал-макет издания выполнены в ИКЦ "Катартал" издательско-полиграфического объединения ЦК ЛКСМ Узбекистана "КАМАЛАК".

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии издательства ЦК КП Узбекистана.
г.Ташкент, ул. газеты "Правда", 41.

рисунки
Алексея
Сухарева

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190